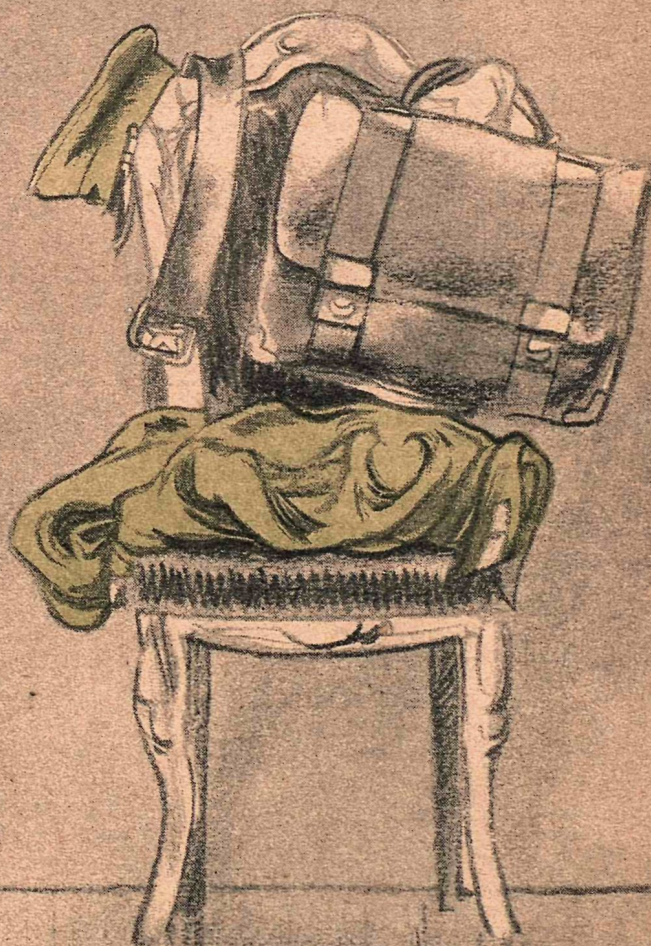
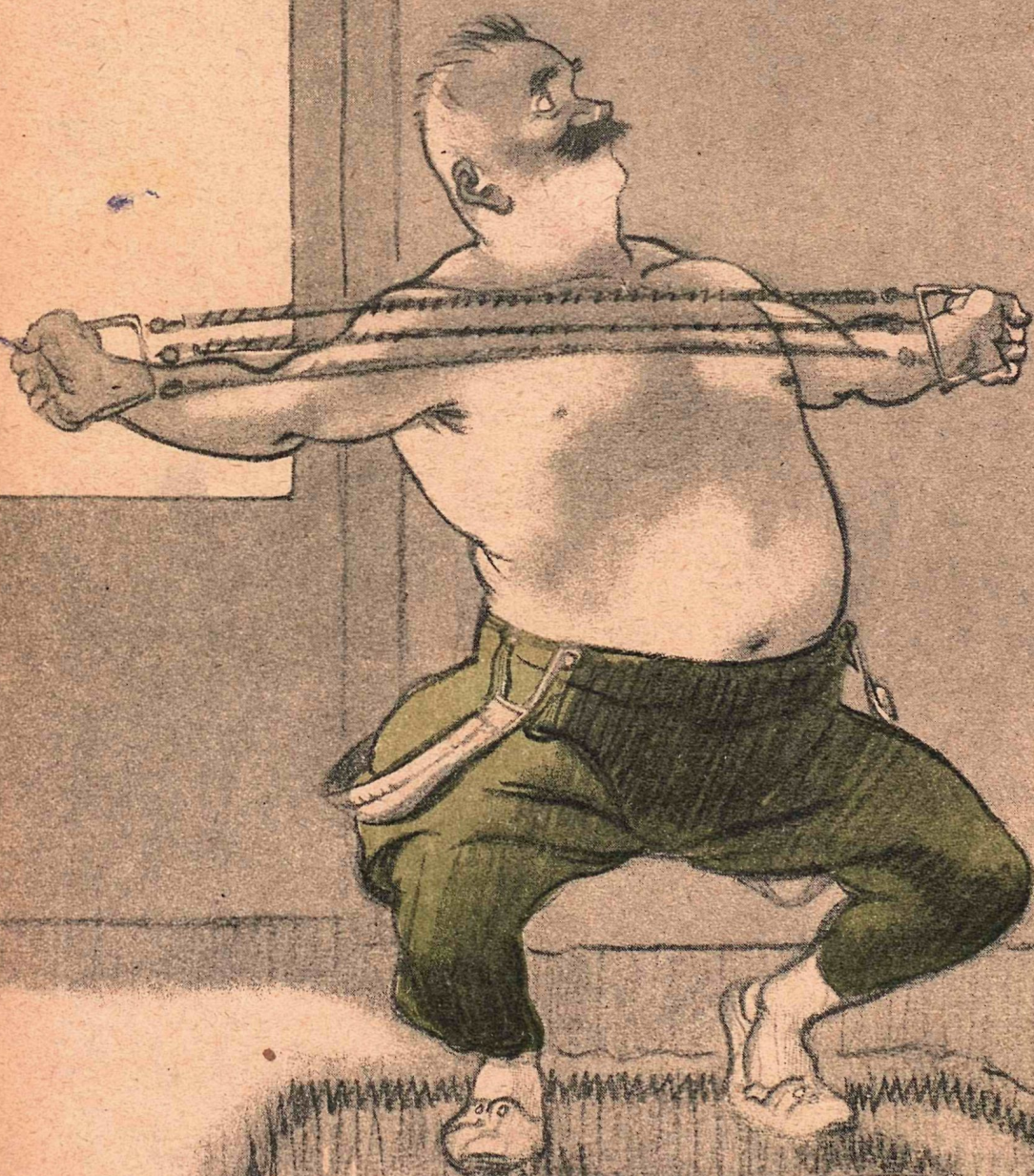

К Р О К О Д И Л

К 556
39г

6.Р.39

Рис. К. Рогова

«Чтобы предупредить преждевременные неприятности в виде ожирения и всех его спутников (склероз, одышка и пр.), необходимо всякому честному и разумному командиру, политработнику, начальнику, где бы он ни работал и сколько бы ему лет ни было (хоть 100!), обязательно и непременно и немедленно заняться, а затем уж систематически заниматься, как правило, ежедневно физической тренировкой».

К. ВОРОШИЛОВ.

— Есть похудеть, товарищ народный комиссар!

— Откуда это такие?
— Из города. Ансамбль песни и пляски приехал.

Письма Игната Киселя

Письмо шестое

Господину Гаха, Прага, Чехо-Словакия.

(В случае ненахождения адресата по указанному адресу прошу переслать ему в переднюю Гитлера)

Во первых строках моего письма выражаю вам, почтеннейший, свои и своих сограждан-колдобинцев чувства. Извините, если они придутся вам не по душе. Но наш освобожденный член месткома товарищ Филаткин на этот счет говорит так: «На всех и солнышку не угреть».

Гляжу я на вас со своей каланчи и просто диву даюсь. И куда вы только лезли, почтенный? Захотели большим купцом стать, барыши считать, а карманы-то с дыркой. Уплыл товарец, а доходу не стало. Как метко выразился на ваш счет всеми нами уважаемый товарищ Филаткин: «Лазил чорт за облаками, да сорвался».

Слышали мы, что, пока вы в передней у Гитлера торговали родной оптом и в розницу, сам «фюрер» распорядился вынести с заднего крыльца вашей дочке букет цветов. Не знаю я, какие там были цветки, но продешевились вы, ваше степенство. Определенно продешевились. Букетик Гитлеру наверняка обошелся меньше чем в тридцать серебрянников. Незавидно это у вас вышло.

Вот у нас в Колдобинске тоже лет двадцать пять назад жил один купчик, Семиногов по фамилии, может, слышали? Торговлишка ему от отца куда мельче вашей досталась: грибами торговал. Так, представьте себе, не прошло и года, как прогорел наш Семиногов. Мало-сильный он был купец. Вот его и обегорили другие купцы, которые были гораздо вороватее чем он.

А в торговом деле без верного расчета, что за обедом без ложки. Полагали вы за предательство родины у Гитлера милость получить, в большие люди выйти, а вас даже со старой должности уволили. Сидите теперь без дела в Берлине, в передней господина своего, и ждете какой-то работенки по обслуживающей части.

Интересуюсь, как здоровье ваше. Читали мы тут в газетах, что у вас расшатались нервы. Ловко вы там у Гитлера в кабинете при-

кинулись юродивым, в обморок грохнулись. Дескать, пострадали за родину.

Только напрасно старались. В баню идти — пару не бояться. Все равно никого не обманули.

Между прочим, попрошу вас передать кое-что, в порядке обмена опытом, венгерскому премьер-министру господину Телеке, если по-встречаетесь с ним в вышеупомянутой передней.

Скажите Телеке, чтобы он не играл комедию. Прослышали мы, что он распорядился распустить ихнюю фашистскую партию «хангуристов», но «черных кобелей набело не перемоешь», как говорит наш член месткома товарищ Филаткин. Вместо «хангуристов» с ведома господина Телеки организованы «стрелковые кресты». Что в лоб, что по лбу. А вожак этих «крестов» Салаш спит и видит, как бы пригласить в свой шалаш, то-бишь в Венгрию, арийских варягов из Берлина.

Расскажите ему, почтеннейший, про судьбу не только свою, но и бывшего карпатского правителя премьер-министра попа Волошина. Вот тоже проторговался батюшка. Также, видно, полагал к тридцати серебрянникам, полученным за продажу родины, положить в карман свой ясы малую толику. А пришлось ему вместо этого после захвата Карпатской Руси венгерскими молодчиками бежать в Румынию, сверкая божественными пятками.

Вот вы, господин Гаха, и устройте как-нибудь вечер воспоминаний, поделитесь опытом, времени для этого у вас теперь достаточно.

Ну, а затем до свидания. Будете писать, сообщите: удобно ли вам стоять на запятках гитлеровской кареты, часто ли приходится чистить «фюреру» сапоги и почем там у вас вакса.

Значит, примите и прочее. Адрес старый.

ИГНАТ КИСЕЛЬ.

— О, если бы я был на месте Чемберлена..
— Что бы вы сделали?
— Первым делом подал бы в отставку.

Маяковский улыбается Маяковский смеется Маяковский издевается

Он не был профессиональным остряком и пересмешиком, оборачивающим каждый предмет смешной стороной, каламбуриющим чем попало и как попало.

И в то же время он точно знал, что такое «смешно» и как оно добывается.

«У меня большой зуд на писание сатирических вещей», — заметил он как-то на одном диспуте. И он умел их делать так, что у людей, исполованных его фельетоном, потом, как он говорил, «на десять шагов сквозь штаны красное мясо просвечивало».

Остроумие Владимира Владимировича Маяковского было самого высокого класса, осмысленное и целенаправленное.

Его сатира была издевательски зла и беспощадна. Его шутки были от избытка жизнерадостности добродушны и ласковы.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Как-то в одной редакции подошел к Маяковскому молодой человек и протянул ему листок со стихотворением:

— Будьте добры, Владимир Владимирович, скажите ваше мнение об этом стихотворении. Маяковский прочел листок и вернул его юноше с кратким резюме:

— Белогвардейские стишки.
— Нет, меня интересует форма, — перебил его молодой человек, — я вас спрашиваю о форме...

— А форма — что же, — пожал плечами Маяковский, — обыкновенная, с погонями...

ОТВЕТ НА ЗАПИСКУ

На вечере в Харькове какой-то студент прислал Маяковскому такую записку:

«А наш профессор на рабфаке говорит, что вы примазались к советской власти...»

Маяковский прочел записку вслух.
— Не я примазался к советской власти, — сказал он, — а ваш профессор примазался к рабфаку.

ЭПИГРАММЫ

В записной книжке 1922 года есть строфа о поэтах-имажинистах, которая, возможно, должна была войти в какое-то ненаписанное стихотворение:

«Квалифицированных работников было мало.
Конечно, не забыли ни о Шершеневиче, ни о Мариенгофе:
Шершеневич в приемной лежал вместо журнала,
а Мариенгоф разносил заждавшимся кофе».

В записной книжке 1926 года есть дружеская эпиграмма, обращенная к тогдашнему редактору «Известий» тов. И. И. Степанову-Скворцову:

«Я мало верю в признание отцов,

И то и другое предельно выразительно работало в стихе.

Кавалерия острот с отточенными пиками рифм была не последним оружием его поэтического арсенала.

То, что в стихе, — уже бессмертная бронза. Но был еще Маяковский — оратор и чтец своих стихов, великолепный полемист, силою собственных легких и мощью голоса утверждавший и защищавший на трибуне новое искусство.

Был Маяковский — сотрудник десятков газет и журналов, часами просиживавший в редакциях, беседуя с сотрудниками и посетителями.

Здесь все — в памяти людей.

Здесь нужно многое вспомнить, записать, со-

хранить. Это должны сделать все: видевшие, слышавшие, встречавшие Маяковского.

Печатаемое ниже — отдельные факты, мелочи. Здесь и моя память, и воспоминания товарищей, и затерянное в журналах того времени, и кое-что из записных книжек поэта.

«Я убежден, — писал Маяковский в предисловии к сборнику своих сатирических стихов, — в будущих школах сатиру будут преподавать наряду с арифметикой и с неменьшим успехом. Будет, обязательно будет высшая смеховая школа».

И, конечно, если такая школа будет, ее ученики, сдавая зачеты по остроумию, будут изучать искусство смеха лучшего поэта нашей советской эпохи.

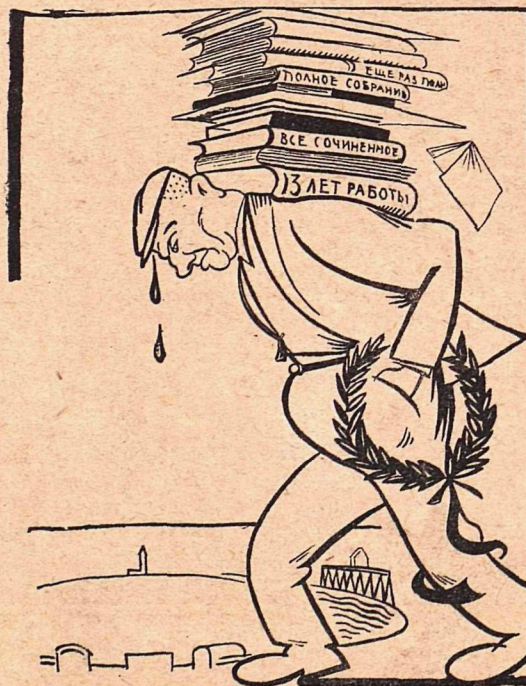
В. КАТАНЯН

чей волос —
белее ваты.
Хороший дядя —
Степанов-Скворцов,
но вкус у него
староватый».

Помню еще эпиграмму Маяковского, связанную с постановкой «Бани» в 1929 году:

«Подмяв моих комедий глыбы,
главрепертком сидит
Гандурин.

— А вы ноктюрн сыграть могли бы на этой треснувшей бандуре?»

„Иду красивый, двадцатидвухлетний...“
Рисунок В. Маяковского из журнала „Шквал“

В 1929 году в журнале «Чудак», в номере, специально посвященном «сплетне», были напечатаны две эпиграммы под общим заглавием «Говорят...», подписанные инициалами Маяковского. Это, безусловно, он.

Первая — автоэпиграмма. Написана в связи с постановкой «Клопа»:

«Говорят,
из-за границы
домой попав,
после
долгих
вольтов,
Маяковский
дома
поймал клопа
И отнес
в театр
Мейерхольда».

Поводом для второй послужили опыты профессора Кольцова по изменению пола:

«Говорят,
за изящную фигуру
и лицо,
предчувствуя
надобность
близкую,
артиста Ильинского
профессор Кольцов
переделал
в артистку
Ильинскую».

ФУНТ СТЕРЛИНГОВ И АНТИСОВЕТСКИЙ БЛОК

Вот одна из тем Маяковского в «Красном перце» 1925 года. В газетах появилось сообщение, что «Чемберлен пытается организовать антисоветский блок из Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и т. д. Это обойдется Англии несколько миллионов фунтов стерлингов».

На рисунке красноармеец обращается к компании человечков, лезущих на него с винтовками:

«— А сколько вас сушеных на фунт?»

«ГДЕ ВАША ТОЧКА ЗРЕНИЯ!..»

Был в Москве один молодой тип из так называемых околосатирических людей. Фамилия его была, скажем, Мерлович. Он аккуратно являлся на все вечера Маяковского, занимал

«ЗДЕСЬ ТОРГУЕТ В. МАЯКОВСКИЙ»

В 1929 году на Тверском бульваре был книжный базар. По обеим сторонам аллеи стояли киоски. В воскресенье — объявлено — в киосках будут торговать писатели. В воскресенье на бульваре «вавилоненое столпотворенское», как говорил Маяковский.

Погоуляв, Маяковский идет «торговать». Вокруг киоска сразу непроходимая пробка. На киоске появляется плакат: «Здесь торгует В. Маяковский».

Маяковский шутит, зазывая покупателей. Торговля идет бойко. Продавая свои книги, Маяковский надписывает их, рисует собачек, восход солнца в горах, девушкам — сердце, пронзенное стрелой. Каждому лестно. Отпуская первый том своего собрания сочинений, он предупреждает, что должен сделать в нем одну поправку:

— Здесь на портрете я молодой и бритый. Теперь я с волосами, я вам их здесь пририсую...

Все книги Маяковского распроданы. Один молодой человек, протискавшись сквозь толпу, спрашивает «Историю западной литературы» Когана.

Кругом засмеялись. Надо было знать отношение Маяковского к Когану... Но — делать нечего — торговать, так торговать...

— Есть у нас Коган? — спрашивает Маяковский продавца.

Тот достает с полки историю, а Маяковский, одувая пыль, вежливо осведомляется:

— Вы не раздумали? Нет? Надпись сделать?

— Пожалуйста...

Маяковский вынимает стило и надписывает:

«Смущено
и растроганно
всучил
безумцу
Когана».

ЛЕФ И БЛЕФ

В 1927 году в Политехническом музее состоялся диспут «Леф или блеф». Предметом спора была появившаяся под этим заглавием статья критика Полонского, направленная против журнала «Леф». Редактором «Лефа» был, как известно, Маяковский.

9 часов вечера. Зал полон. Маяковский и его друзья по Лефу на эстраде. Есть председатель, но нет Полонского.

Публика волнуется:

— Время!..

— Маяковский, начинайте!

— Времячко!..

Маяковский пожимает плечами:

— Я не виноват... От Лефа все пришли, вот от «блефа» никого нет...

На этом вечере, отчитывая Полонского, Маяковский приводил цитаты, характеризующие стиль письма критика:

— Полонский пишет про Бабеля: «Острый, как спирт, и цветистый, как драгоценный камень». В какой виноторговле, в каком ювелирном магазине нашел он эти ни к чему не обязывающие слова? Да и разве можно сказать «острый, как спирт». Может быть, крепкий? Я не допускаю, что Полонский не знает, что такое спирт; повидимому, он не знает, что такое острый...

Рисунок В. Маяковского из «Окон Роста»

На выставке

У нее было довольно глупенькое лицо. Обладательницу этой счастливой внешности безоблачной блондинки можно было встретить в разных местах. На премьерях, закрытых просмотрах, верниссажах. Звали ее Марина Николаевна или Ирина Николаевна.

Вот и сейчас на верниссаже большой художественной выставки стоит Марина (или Ирина) Николаевна с несколькими молодыми людьми (атлетические плечи и цыплячьи шеи). Стоит и щебечет:

— Цвет, говорите, Ганнибал Яковлевич? Не говорите мне об этом цвете. Никогда серое с синим не было законной гармонией... А линии? Никуда не годится!

Критика была настолько категорической, что стоило прислушаться... Вся группа стояла перед несколькими полотнами, и сразу трудно было решить, о какой картине идет речь.

Ирина Николаевна с увлечением продолжала:

— А если серое, то следовало оживить чем-нибудь теплым, даже горячим. Ну, скажем, небольшое оранжевое пятнышко уже создало бы известный колорит...

Среди картин, перед которыми стояла Ирина Николаевна, не было ни одной с преобладающим серым цветом. Положение становилось загадочным.

— Она не могла не знать о нежизненности серого тона, — продолжала Ирина Николаевна, — ведь она же жена художника. Надо же понимать, гри-перль без единого живого пятна — бессмыслица. И потом, кто же теперь носит низкие талии?!

Однако на картинах не было ни одной женщины с низкой талией, в платье «гри-перль», но зато неподалеку от группы действительно стояла женщина в сером платье и внимательно смотрела на картину.

Ирина Николаевна остановилась перед скульптурой, изображавшей молодую работницу.

— А ведь это идея, — сказала она. — Можно укоротить рукава и сделать косой вырез. Голубой армюр или креп-сатен вполне подойдут...

— Содержательная вещь, — прибавила она, одобрительно поглядывая на скульптуру.

Разгрузочные работы в порту, изображенные на солидном полотне известного художника, навели Ирину Николаевну на свежие, яркие мысли:

— Купальный костюм хорошо бы заказать из синей вязки... белые плечики и никаких вышивок!

Наконец, героическая зимовка в Арктике вызвала у Ирины Николаевны твердое и окончательное решение:

— Моему Сержу придется потрудиться... Пусть достает, где хочет, но шубку я хочу только из песка.

Когда Ирину Николаевну спросили о выставке вообще, она ответила:

— В общем мало интересного. Мне понравилась только одна картина.

— Какая?

— Ну, эта... знаете, такой белый фон с синей отделкой. Очень элегантно.

Названия картины Ирина Николаевна припомнить не могла. Она спешила. Сегодня вечером должен быть закрытый просмотр нового кинофильма. Только для общественности и критики.

На улице нам довелось встретить молодого талантливый художника В. Он с грустью сказал:

— Хотел попасть утром на верниссаж, но, к сожалению, не получил билета: ведь сегодня — только по приглашениям.

МИХ. КОССОВСКИЙ

Рисунок В. Маяковского из «Окон Роста»

место в первых рядах и вел себя безудержно активно.

Если в программе вечера были прения, он выступал в прениях и «громил» Маяковского в меру своего тщедушия. Если прений не полагалось, он бесновался с места: подавал ехидные реплики, жестикулировал, писал записки и т. д.

Сначала Маяковский удивлялся и сердился, спорил с ним, всерьез парируя его выпады по всем правилам ораторского фехтования. Потом привык и вполне добродушно принимал его как знакомую, пристреленную мишень для остроумия.

Появляясь на эстраде, раскладывая на столе портфель, оглядывая зал, Маяковский некал во втором или третьем ряду знакомую фигуру:

— Мерловнич здесь? Ну, значит, можно начинать...

Однажды, когда Мерловнич особо долго разорился в прениях, доказывая, что Маяковский — плохой поэт, через каждые три слова повторяя «с моей точки зрения», «моя точка зрения», Маяковский остановил его почти ласковым жестом:

— Где эта ваша точка зрения? Покажите мне ее...

Мерловнич застыл в недоумении.

— ...я хочу на нее плюнуть.

ИЗ НЕНАПИСАННОГО РОМАНА

Маяковский собирался написать роман. Собирался несколько лет.

Он говорил, что в уме его почти дописал. Но на бумаге от него ничего не сохранилось.

Может быть, только несколько «заготовок» в его записных книжках, несколько деталей, которые, возможно, нашли бы место в этом романе: в диалогах, в ситуациях, в описаниях.

Например, такие вот:

«Луна — затмение.

— Она должно быть волнуется перед выходом».

Или человек приходит в гости:

«— Какой я аккуратный — как пивная закрылась, — я здесь»...

Или:

«Дурак, вместо того чтобы закрыть водопроводный кран, пытался вылить из него всю воду».

Роман не был написан.

Но, существуют четыре строчки, которые, как говорил Маяковский, он считал подходящими для эпитафии к нему.

Они никогда не были напечатаны:

«О женщины!

Немее от восторга,

я вам готов

воздвигнуть

пьедестал.

Но...

измельчали люди,

и в Мосторге

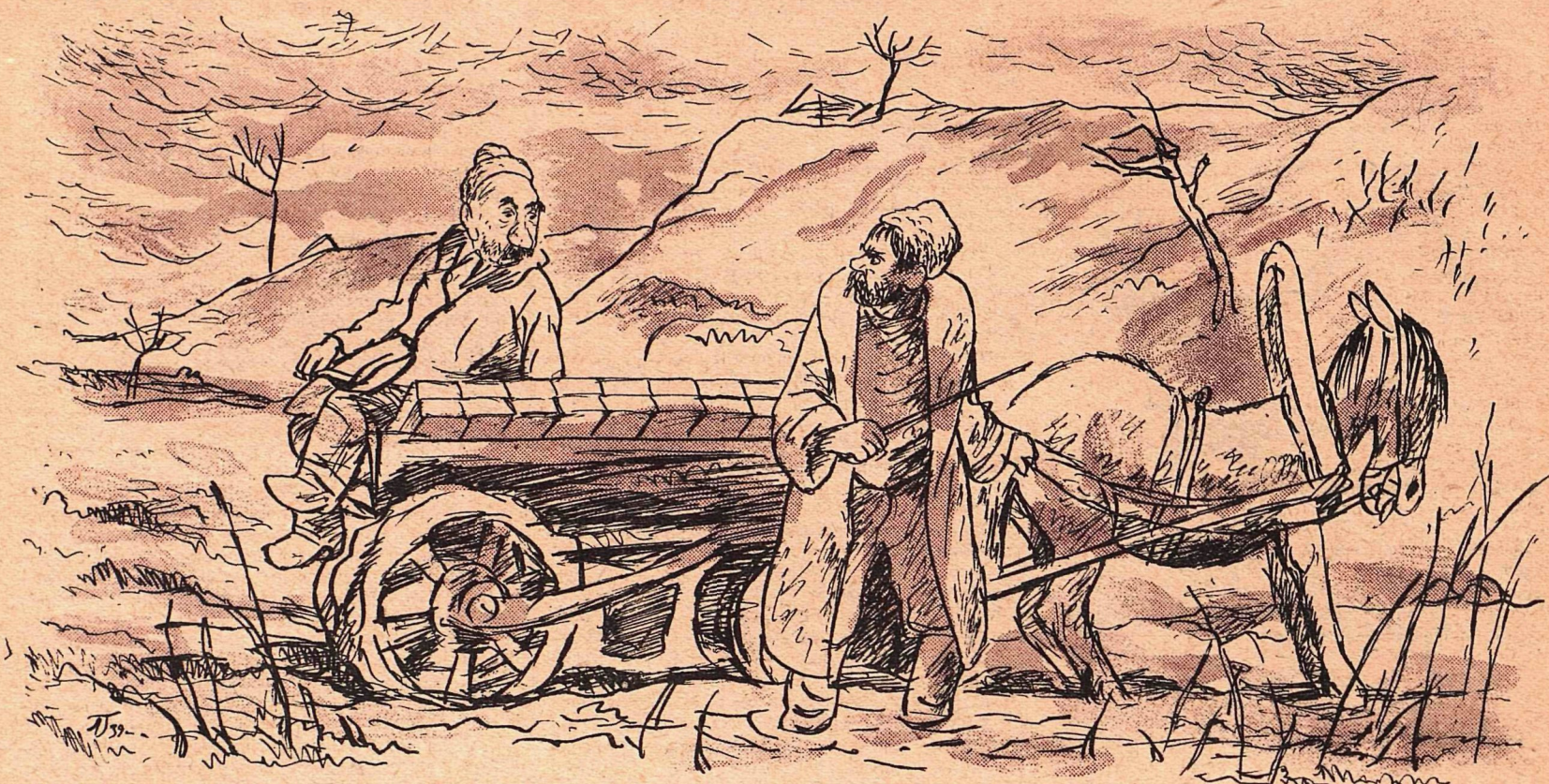
опять

я

пьедесталов

не достал».

Рис. Л. Генча

— Дальше такая грязь, что не проедешь. Как быть?
 — Сваливай кирпич здесь. Придется больницу строить на этом месте.

Владимирские беседы

1. БЕСЕДА ОБЫКНОВЕННАЯ

Председатель горсовета города Владимира на Клязьме (Ивановской области) товарищ Сидоров произнес «Я вас слушаю» и немедленно отвернулся, чтобы прочесть одну из многих бумаг на своем столе.

Откашлявшись, мы начали:

— Редакцию очень интересует вопрос о том, как поставлено обслуживание населения во Владимире. Есть ли у вас почилочные мастерские, прачечные?..

Председатель горсовета поднял голову поспешно и, мы бы сказали, радостно лучезарно. Приятная улыбка осветила лицо председателя. Можно было подумать, что он трое суток дождался этого вопроса, дабы разразиться великолепной тирадой, громокипящей речью, может быть, даже стансами на данную тему.

Председатель сказал следующее:

— А это как раз — к моему заместителю, — улыбка еще ярче зацвела на председательских устах, — как раз у него все цифры и все материалы. Товарищ Мусурин — мой заместитель... К нему! Только к нему, да!!

— А где он?.. Как его найти?..

— Чего там! Найдете, найдете! Товарищ Мусурин, комната 50-я... Всякий покажет...

Председатель говорил столь сладостно, словно в любви объяснялся...

Комнату 50-ю мы действительно нашли. Действительно зампредгорсовета товарищ Мусурин сидел в этой комнате. Мы действительно задали товарищу Мусурину вышеприведенный вопрос, и ответ был очень обычный.

Вздых. Пожимание плечами.

— Ремонтных мастерских у нас нет!

— Думаете наладить?

— Мы бы всей душой!..

— Мастеров нет?

— Мастеров сколько угодно.

— За чем же дело стало?

— Представьте, за помещением!

— Неужели в городе нет ни одного помещения, годного для этого дела?

— Представьте, все занято!

— Ну, а магазин какой-нибудь под это дело отвести?

— Не имеем права: инструкция.

«Странная инструкция, — подумали мы, — почему-то в Москве этой инструкции нету. Все ремонтные мастерские — и швейная, и трикотажная, и сапожная — в магазинах. А тут, извольте ли видеть, инструкция!»

Но делать было нечего. Узнав о планах развития гончарной и сапоговальяльной промышленности в городе Владимире, мы откланялись.

2. БЕСЕДА НЕОБЫКНОВЕННАЯ

В том же здании Владимирского горсовета, на втором этаже, на комнате 19-й, висит маленькая вывесочка: «Управляющий банно-прачечным хозяйством». Среди созвездия канцелярских столов нам указали стол управляющего.

Управляющий выслушал наш вопрос с особенным, мы бы сказали, ожесточенным даже выражением лица.

«Эге, — подумали мы, — с этим придется повоевать. По лицу видно, как он будет отстаивать благополучие в своем банно-прачечном ведомстве!»

— Как у нас дело обстоит с банями? — сердито повторил наш вопрос управляющий А. И. Цветков. — Очень плохо обстоит дело! Безобразно!

— Как?!

— А вот так! Судите сами: у нас две бани на четыреста мест. Так? А населения в городе восемьдесят тысяч. Так? Так! Ну, и что же мы можем сделать?

— Ай-ай-ай! — вежливо покачали мы головами.

— Идем дальше: механическая прачечная у нас закрыта: провалились чердачные межэтажные перекрытия. В прошлом году мы вогнали восемьдесят две тысячи на капитальный ремонт и все равно не сегодня — завтра бани рухнут...

Мы, как водится в таких случаях, встали, чтобы откланяться. Но не тут-то было! Управляющий банно-прачечным хозяйством схватил нас за рукав.

— Нет, уж вы подождите! — сказал управляющий. — Раз вы пришли, — будьте любезны, пойдемте сейчас со мною в баню. Я вам покажу, что там делается.

И управляющий стал надевать пальто и кепку. Мы последовали за управляющим через весь город для осмотра бань как верхних, так и нижних...

— Видали, какие сосульки? — тыкал управляющий пальцем под крышу бани, откуда свешивались действительно неслыханных размеров сталактиты. — А почему? Вентиляции нету. Пару негде выходить, вот он и позволяет себе...

— Ай-ай-ай!..

— А трубы? — бушевал управляющий уже в котельной. — Видели вы, какие у нас трубы: все в заплатках, живого места не найти... Нет, вы еще посмотрите, какие такие бывают раздевалки!..

...Узнав касательно второй бани, что хотя пропускная способность ее меньше первой, но топлива она берет больше, снаружи оглядев здание механической прачечной, узнав, что и в других банях вентиляции не существует, мы, наконец, откланялись.

Вернее, откланялся честный управляющий банно-прачечным хозяйством, который пошел опять к себе на работу, оставив нас посреди базарной площади города Владимира.

Согласитесь, необыкновенное интервью! Редко, когда должностное лицо подобным образом отвечает на вопросы представителя печати. И вот, несмотря на то что прогулка по баням была несколько обременительна, мы очень признательны товарищу А. И. Цветкову.

Товарищи из Владимирского горсовета, а также из Ивановского облисполкома, примите наши уверения в совершенном почтении и таком же удивлении!

В. АРДОВ.

Город Владимир.

Коварство и любовь

В ЭТИ вешние дни, когда на улице солнце горячо, а в комнате пышет жаром батарея центрального отопления, — в эти теплые дни даже прозаику хочется писать о любви.

Хочется писать о любви, минуя коварство, минуя клевету, перестраховку и прочие и тому подобные канцелярские принадлежности.

Не всякие желания выполнимы! Отложим благие порывы до следующего раза. А сейчас расскажем о том, как злое коварство, подперченное ехидной клеветой, разбило в СССР одно из сердец, до краев наполненное искристым вином любви. (Да простит нам читатель этот возвышенный слог! Сюжет, видите ли, такой, что никак не обойтись без красивых слов и восклицательных знаков).

Наднях мы получили взволнованное письмо из города Черкассы, Киевской области, от Василия Свиридовича Н.

«Прошу поместить мой материал о неудачной любви, — пишет Василий Свиридович. — Я истратил время и потерял счастье...»

А дело было так. Василий Свиридович по молодости лет своих познакомился с одной девушкой. Зовут ее Галя. И Галя очень понравилась Васе. И Вася ни малейшего внимания не обращает на существенные недостатки Гали.

«Девушка, сказать, неплохая, — пишет нам Вася, — девушка красивая, но только одна ее беда она очень маленькая».

Вася этим не смущается: соловей ростом меньше индюка, но ценится дороже. Да и могли думать влюбленный молодой человек, что... Но не будем забегать вперед. Скажем одно — он в восторге от Гали.

«Конечно, в отношении того, что она маленькая, я ничего не имел — я только был влюблен».

Любовь прекрасна, но горька разлука! Любовь прекрасна, а сокращение штатов чреватое обидными последствиями.

И вот сократили по службе нашего Василия Свиридовича. И он уезжает из города Черкассы в город Запорожье — на новую работу. Горе влюбленных, как известно, не поддается описанию. Не поддается — и не надо. Пойдем дальше.

Живет и работает Вася в Запорожье, но... «На про свою милую не забываю, переписываюсь очень любезно и очень задушевно».

Так прошла осень, минула зима. А вслед за этим, как обычно водится в таких случаях, наступила весна. Галя пишет Васе и просит его взять очередной отпуск и приехать к ней в гости. Вася был несказанно обрадован этим приглашением.

«Конечно, я это обдумал, что, может, в самом деле девушка очень хорошая характером своим, что переписывались очень любезно и я за это время на десять кил похудал. Я решил, зачем я буду худать, уеду я к ней, и, возможно, это будет моя законная супруга».

Приехал Вася к Гале. Галя, конечно, рада. И на радостях пошли они вместе в кино.

«Посмотрели мы картину, вышли из театра. Вот я, как молодой человек, должен барышню взять об руку. А она против меня очень низкая ростом. Но как долг вежливости я все же взял ее под руку, и мне пришлось перегнуться на одну сторону ввиду того, что я высок ростом — один метр 80 сантиметров».

Правда, Васе так рассказывать было неудобно. Но он с радостью терпел. Любовь требует жертв. Он каждый вечер шел с Галей на прогулку и гнул на бок свое туловище размером в один метр восемьдесят сантиметров.

Все было бы хорошо. Но нашлись в Черкассах недобрые люди, злые, пересмешники, которые начали издеваться над влюбленными. И, как нам пишет Вася:

«На Галю повлияло морально то, что Галю и Васю назвали Пат и Паташон из картины «Краса и сила»...

Особенно старалась разрушить счастье влюбленных знакомая Гали некая Наташа Фрусталева (печатаем полностью ее имя и фамилию, чтобы этой гражданке стыдно было за все ее плохие дела, о которых мы дальше расскажем).

Наташа Фрусталева кружилась, как шмель, вокруг Гали и все время жужжала ей в уши: — Галочка, на что тебе такой высокий молодой человек? Ты себе найди парня по своему росту.

Но Галя первое время не поддавалась и продолжала смотреть ласковыми глазами на один метр восемьдесят сантиметров, из которых состоял Вася.

Тогда Фрусталева решила пустить в ход клевету. Вот она, неизменная спутница вредных людей, госпожа клевета! Сколько горестей приносит она честным пражданам и пражданкам!

Черной клеветой залила Фрусталева чистую любовь Гали. Фрусталева шепнула Гале:

— Знаешь, Галочка? Твой Вася сидел в тюрьме четыре года. Факт! Я это точно узнала!

Это была ложь. Никогда Вася не был судим. Никогда не сидел в тюрьме.

«Конечно, Наташа сочинила клевету на меня. Вот бедная Галя разочаровалась мною. Вот однажды я назначил свидание. Прихожу я к своей милой Гале, а Галя не тем и дышит...»

Трудно читать без волнения письмо Васи. Да, эта милая маленькая Галя оказалась типичной перестраховщицей. Вместо того чтобы разобраться в деле, проверить факты, выслушать объяснения Васи, она отвернулась от него, исключила его из своего сердца.

Вася настаивает на полной своей реабилитации. Он просит нас помочь ему заклеить позором клеветницу и восстановить свое честное имя в глазах Гали.

Мы это охотно сделаем. Мужайтесь, Василий Свиридович! Правда восторжествует!

* * *

Поскольку мы уже коснулись этой живо-трелпешущей темы, разрешите привести еще один любопытный факт.

Выше мы рассказали о том, как он страдает из-за нее. А теперь речь у нас пойдет о том, как она страдает из-за него.

Дело было под Полтавой. В Новогорьневском районе, Кировоградской области, живет и работает учительница-комсомола Катерина Ивановна.

Недавно учительница прислала письмо в Драбинецкий сельский совет, Новосанжарского района, Полтавской области. В письме она просит выслать ей какую-то справку.

Письмо попало в драгоценные руки Порфирия Опанасовича Швидкого, председателя Драбинецкого сельсовета.

И — любви все должности покорны — председатель сразу воспламенился, как стог сухого сена от случайной искры.

Швидкий влюбился заочно: он никогда не видел новогорьневской учительницы; он никогда не слышал о ней; он ее за почерк полюбил!

Почерк учительницы, стиль ее письма — вот что пленило любвеобильного председателя.

Он ей тут же ответил. О том, чтобы выслать учительнице нужную справку, он и думать забыл. Может ли идти речь о каких-то бумажках и справках, когда в груди горит огонь желаний и душа воспламенена!

Ответ председателя начинается так:

«Добрый день, Катерина Ивановна! Поздравляю с тем днем, когда получишь мое письмо...»

Отношения, как видите, с самого начала устанавливаются самые дружеские. Председатель сразу обращается к учительнице на «ты». Тем более, что он считает, что ослатил ее своим письмом — даже поздравляет.

Дальше Порфирий Опанасович сообщает:

«Когда я получил от тебя письмо, я прочитал его и сидел целый час и думал... Я решил тебе ответить, чтобы лучше познакомиться, ибо думаю, что пишет мне молодая девушка да еще может быть никем не занятая, а я тоже молод и никем не занят, так будем же знакомы, хотя мы друг друга никогда в очу не бачили. Но это ничего не означает...»

Порфирий Опанасович тут же, в письме, намечает план дальнейшего развития этого знакомства. Он даже подводит под это дело общественно-политическую базу:

«Я тут работаю председателем сельсовета, и нам в сельсовете очень необходимы такие кадры, как ты».

Чтобы лучше изучить кадры, председатель просит учительницу немедленно выслать ему ее фотокарточку:

«Пришли свою фотографию, я тогда пришлю тебе свою. Ну, бывай здорова. Я тоже остаюсь здоров. Голова сельрады П. Швидкий».

И вот до сих пор девушка страдает из-за любви к ней Швидкого Порфирия Опанасовича. Ей нужна справка. Но председателю не до этого: он на сегодняшний день умеет писать только о любви.

Учительница пишет председателю:

«Справку!»

Председатель отвечает учительнице:

«Обожаю!»

Так до сих пор и тянется эта любовная переписка.

Г. РЫКЛИН.

Рис. В. Васильева

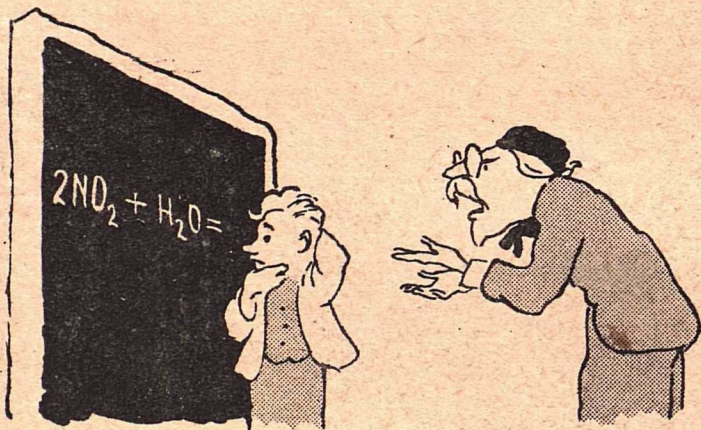
На все сто!

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ
ВОЗВРАТЯТЬСЯ

- В Египте, милые, прямо ужас...
- Да что в Египте. Вот в Африке...
- А в Южной Франции...
- А в Тунисе...
- А в Палестине...

ПЕРЕСТРАХОВЩИК НА КУРОРТЕ
— А проверенный ли это источник?

Весенний первый гром.

Горячий посетитель

Весенний шум, полей весенних запахов
Проходит над районным городком.
И вот с востока по пути на запад
Заходит солнце в исполком.
— Мне председателя увидеть надо! —
И, жарким нетерпением горя,
Светило входит прямо без доклада,
И не спросив секретаря!
— Ты, председатель, как меня встречаешь?
Не очень-то приветливо, тепло...
Иль, может, ты не замечаешь,
Что я пришло?
Тебе дало я времени немало,

Чтоб знать
Я говори
Я пр
Еще в ми
Сейчас ув
Отчет нем
Весенний
Беру под
Весной, гу
Цвету тра
И не лен
Я очень л

СМЕНА ТЕМПЕРАТУР
ИСТОПНИК: Теперь на солнышке отогреюсь.

После зимней спячки.

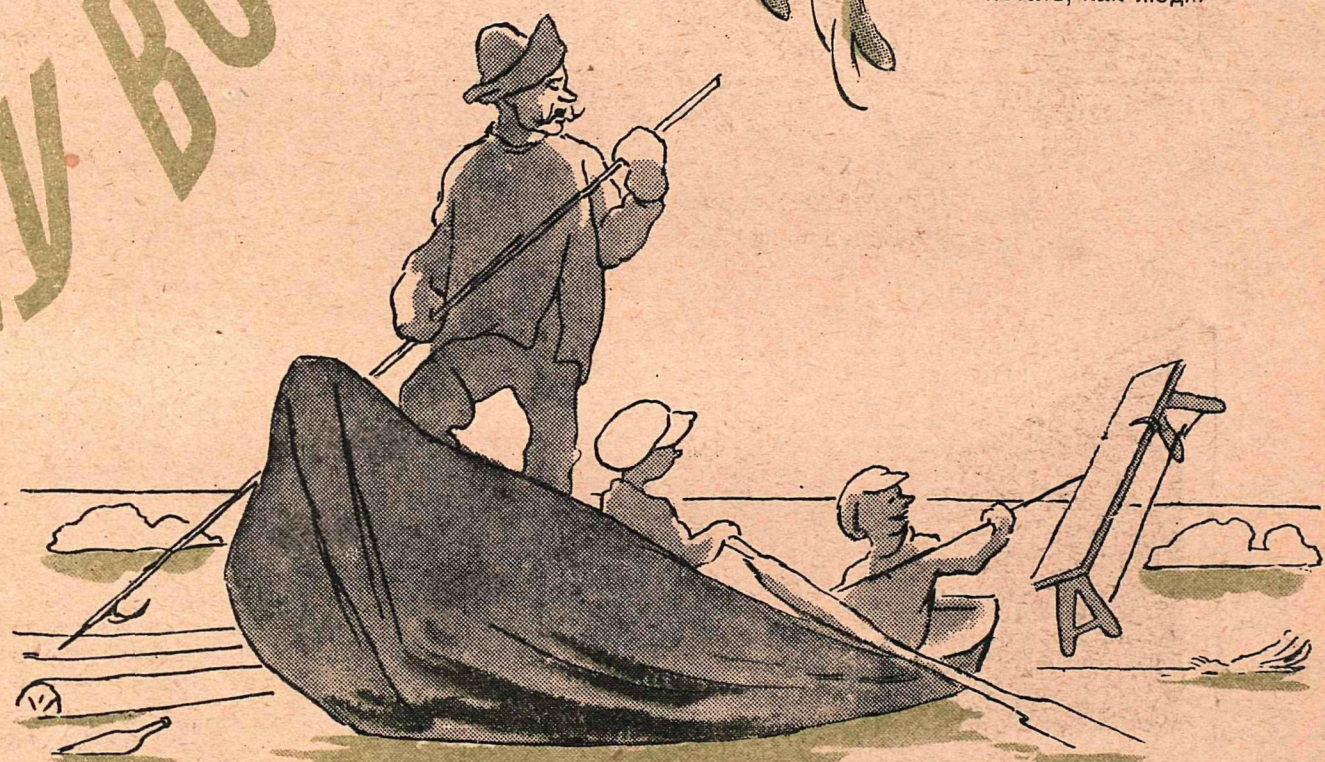

— Каждый перелет тебе толкую: учишься летать, как люди.

ПРОШУ ВСТАТЬ!

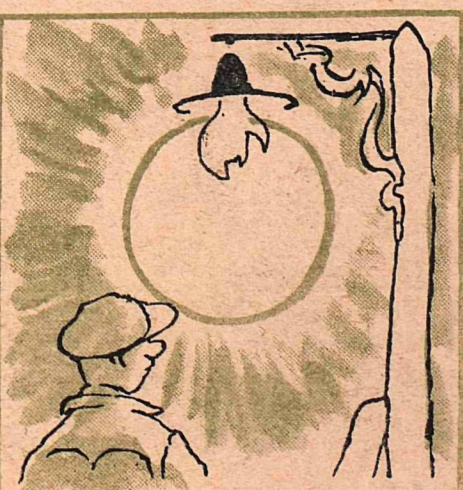
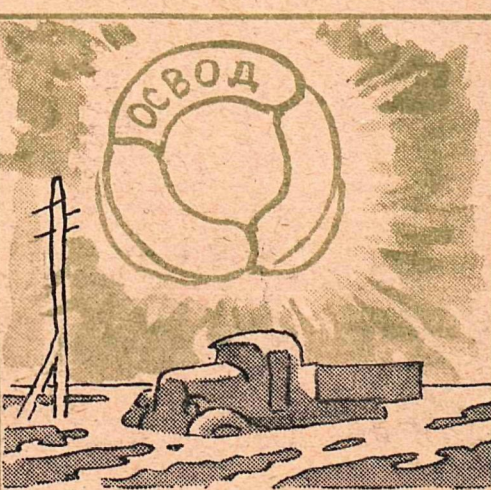
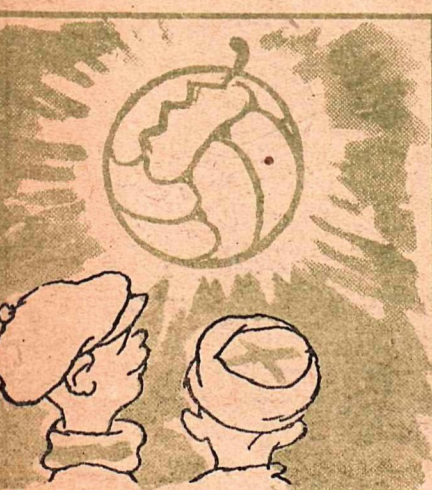
читель

ь, что жарко будет на дворе.
ло,
едупреждало
нувшем декабре.
идим ясно, ты готов ли.
едленно мне дать изволь!
сев, весеннюю торговлю
солнечный контроль!
уля по зеленым склонам,
вой и речками теку...
ий: тебя пред всем районом
крепко припеку!

ПАВОДОК

Особенно на мебель налегай. Нам бы только стол и шкаф выловить для кабинета начальника управления местной промышленности.

КАКОЙ КАЖЕТСЯ ВЕСНА:

Испытанным болельщикам.

Энергичному горсовету.

Инициативному заведующему коммунальным хозяйством.

БЕЗ ОРДЕРА

Квартиры в новом доме.

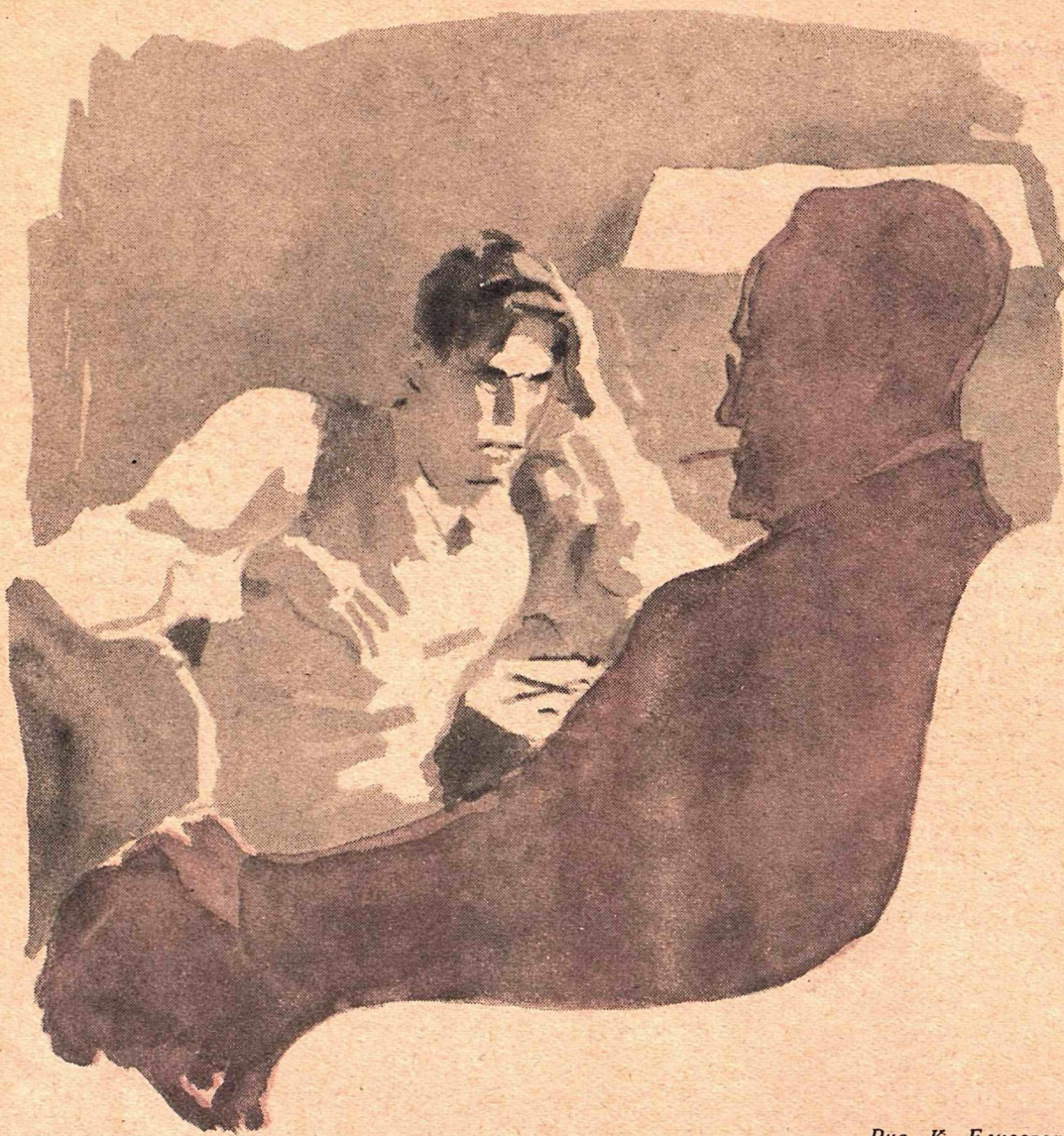

Рис. К. Елисева

— Ты бы бром принимал от бессонницы.
 — У меня бессонница как раз от брома: мне поручено наладить его добычу.

Апрель

В СЕСОЮЗНОЙ переписью установлено, что численность женской половины населения города Приволжска составляет 105.327 человек. Архитектор областной проектной конторы Глеб Курдюмов в свою очередь установил, что из 105.327 приволжанок самая очаровательная и красивая, самая прелестная женщина — это маленькая чертежница Людочка Громыко.

Взволнованный этим открытием, Курдюмов все чаще стал захаживать в чертежную и останавливаться у людочкиного стола. Делая вид, что его чрезвычайно интересует проект, который копировала чертежница, молодой архитектор проникновенно разглядывал чудесную родинку на нежном девичьем подбородке.

— Нет ли у вас, Людмила Сергеевна, ошибки в расчетах? — спрашивал официальным голосом Курдюмов и брал карандаш из теплой людочкиной руки только за тем, чтобы на углу прозрачной голубой кальки быстро написать: «Сегодня в семь. У кино «Арс». Ладно?»

— Здесь нет ошибки, — сурово отвечала Людочка, проводя резинкой по надписи. — Все в порядке! — говорила она, утвердительно прикрывая лучшие в Приволжске глаза лучшими в мире ресницами.

Едва Курдюмов уходил из чертежной, Людочка начинала отыскивать повод, чтобы заглянуть в мастерскую архитекторов.

До конца работы Людмила и Глеб ухитрились не один еще раз обменяться улыбкой и взглядом, запиской и рукопожатием.

Все это не укрылось от бдительного взора

заведующего отделом кадров Ивана Игнатьевича Щелкуна. Но в его глазах все эти улыбочки, перемигивания и записки потеряли естественную окраску и приобрели мрачный, криминальный оттенок.

Первое, еще не оформившееся подозрение мелькнуло в голове Щелкуна с неделю назад на производственном совещании. Заведующий кадрами заметил, что Курдюмов и Громыко не спускают друг с друга глаз.

«Очень странно! — подумал Щелкун. — Несомненно, между ними какая-то связь».

И Щелкун взял не внушающую доверия пару под особое наблюдение.

Для этого заведующему кадрами пришлось даже изменить свой затворнический образ жизни. Обычно Щелкун почти весь день проводил в маленькой полутемной комнате, запертой изнутри на ключ и огромный железный засов. Хотя Щелкун и не делал в своей комнате ничего секретного, двери он запирает с особой многозначительной тщательностью. Связь с внешним миром поддерживалась через прорезанный в дверях небольшой глазок, куда сотрудники конторы просовывали заявления и анкеты.

Теперь, в поисках изобличающих Курдюмова и Громыко материалов, Щелкун стал чаще вылезать из своей берлоги и бродить по отделе и мастерским. Вскоре у него на руках были следующие неопровержимые факты:

а) Во время перерыва уединяются в буфете за отдельным столиком и ведут разговоры вполголоса.

б) По свидетельству курьерши Гучковой, были ею встречены на набережной.

в) Переписываются в служебные часы посредством кратких записок, содержание которых установить пока не удалось.

Еще более красноречивые данные о Глебе Курдюмове и Людмиле Громыко извлек Щелкун из анкетного анализа.

— Анкета — зеркало души! — часто повторял заведующий кадрами собственный афоризм.

Анкета Глеба Курдюмова преподнесла заведующему кадрами приятный сюрприз: собственной рукой архитектора было написано: «До Октябрьской революции занимался тем, что воспитывался у тетки, которая имела велосипедную мастерскую под вывеской «Финиш».

Владелица «Финиша» была немаловажным звеном в собранных материалах. Однако прямо ставить вопрос о преступной деятельности Курдюмова было несколько преждевременно, Щелкун это прекрасно сознавал.

Надо добывать новые факты!

И Курдюмова вызвали в отдел кадров для беседы.

— Ваша тетя имела частную мастерскую? Вы не отрицаете? — осведомился Щелкун.

— Не отрицаю, — ответил архитектор.

— Как же это у вас вышло?

— Видите ли, — сказал Курдюмов, — я не выбирал себе тетку тайным голосованием. Она пришла ко мне самотеком.

— Весьма возможно, — согласился Щелкун. — Однако анкету она вам здорово подпортила. Такая тетка — что грузило. Вниз тянет.

Архитектор с некоторым состраданием посмотрел на Щелкуна.

— Кстати, как давно связаны вы с Людмилой Сергеевной Громыко? — неожиданно спросил Щелкун.

— Не ваше дело! — рассвирепел Курдюмов и, покраснев, вышел из комнаты.

Щелкун весело посмотрел ему вслед.

— Нервничает! — торжествуя произнес заведующий отделом. — Теперь я его размотаю. А пока что надо просигнализировать.

По дороге к управляющему конторой Щелкун заглянул в архитекторскую. Курдюмов трудился за своим столом.

«Маскируется! — злобно подумал Щелкун. — Все ушли завтракать, а он работает. Преданность свою показывает».

Управляющий молча приветствовал руководителя отдела кадров.

— А Курдюмов того, — сказал Щелкун, плотно прикрывая за собой дверь. — С Курдюмовым мы маленько ошиблись...

— Да ну? — изумился управляющий.

Шеголя своей осведомленностью, Щелкун выложил управляющему фактические данные и теоретические предположения о Курдюмове и Громыко.

— Всё? — довольно сумрачно спросил управляющий.

— На сегодняшний день всё, — подтвердил заведующий кадрами.

— Ну, так вот! — сухо сказал управляющий. — Пора заняться вам своими прямыми обязанностями. Курсы давно открыты следовало. Инженера-сметчика подыскать. Проверить, правильно ли людей используем. Словом, работать надо, товарищ Щелкун!

Заведующий кадрами слушал, полураскрыв рот от изумления.

— А как же с Курдюмовым и Громыко? — спросил он недоумевая.

— Женятся наши Курдюмов и Громыко. Женятся. В выходной — свадьба...

— А конспирация? Маскировка? Как же так?

— Скучный вы человек... Известно ли вам, какое теперь время года? Оглянитесь, что вокруг делается. Посмотрите!

Управляющий распахнул окно и подвел к нему обескураженного заведующего кадрами.

Теплый ветерок нехотя заколыхал портьеру. Пирамидальные тополя у конторы струили к небу новенькую листву. На ветке вопила какая-то пичуга, задорно поглядывая на заведующего кадрами. Из окна было видно, как тяжелый большой плот медленно движется по реке. Прохожие обступили на углу мальчика, продающего фиалки.

По солнечной улице шагал веселый месяц апрель.

Е. и С. ШАТРОВЫ

Бумаги на подпись

Знакомьтесь: Перегудов Андрей Дмитриевич. Прокопенко Иван Федорович. Михайлов, извините: не знаем, как по имени, по отчеству. И другие.

Да, и другие. Их, видно, немало, любителей сначала подписывать бумаги, а потом думать. А чаще просто: подписывать не думая.

Итак, рекомендуем.

НА СВОЮ МЕРКУ

Кольванский район находится в Новосибирской области. Именно там и работает упомянутый ниже инспектор народнохозяйственного учета Михайлов.

Справка.

Дана дородделу в том что численность населения в Кольванском р-не по июньскому учету скота 1936 года 38 470 человек.

Райинху Михайлов.

ЛЕВАЯ, ПРАВAYA ГДЕ СТОРОНА

Характеристика, полученная рабочим Новороссийского вагоноремонтного цеха:

«Производственная характеристика на гр. Сидорова.

Весенние картинки

(Из записок районного поэта)

Отношение № 1001

Секретарю Варе Семеновой от
деловода В. Ять

Сообщаю я настоящим,
Что весна утвердила свой штат
Вместе с солнцем вышестоящим,
Вместе с кадрами резвых галчат.
Исходящий любовью палящей,
Я сдаю в ваши руки дела.
Страсть в журнал занесла во входящий,
Направление к Варе дала.
От изложенных чувств чуть не помер,
От внеплановой страсти — в огне.
Инвентарный поставьте свой номер
На упомянутом, то есть на мне.
Поспешите, прошу Вас, с решением,
Резолюции ждате нету сил.
Сердце, душу к сему отношенью
Я при описи приложил.
ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое.
ПРИМЕЧАНИЕ: Вяну, рану тая.
Деловод Варсонофий Ять
РЕЗОЛЮЦИЯ: Отказать.

Р. РОМАН

«НУ, ПРАВО, БЫЛ ОН С ГОРУ!»

6 февраля 1939 года в очерке «Слава» сотрудник «Ленинградской правды» А. Садовский написал следующее:

«Седой старик показал ей трехаршинный колос...»

Действительно, колос! Прямо колосс! Родственник «римского огурца» из крыловской басни.

Небезопасно тов. Садовскому ходить по ленинградским мостам. Ибо в вышеупомянутой басне И. А. Крылова насчет мостов и некоторых журналистов сказано не без намека на тов. Садовского:

«И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста и портной!»

В том, что он к работе относится недобросовестно бывает брак в работе общественной работу вцеху не ведет на работе ударник.»

19 января 1939 г.

Начальник пассажирского цеха А. Перегудов
Парторг И. Прокопенко

НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ

Что именно записано в предыдущих двух тысячах двадцати двух актах, не знаем. Но, судя по акту № 2023, умственные способности госсанинспектора города Краснокамска, Пермской области, издадут весьма основательные «подозрения к порче»... Убедитесь:

Акт № 2023.

1939 г. 19 февраля месяца
Мною госсанинспектором ЗАВЬЯЛОВЫМ С. Д. произведено санитарное обследование столовой № 4, причем оказалось следующее: приготовленное холодное из ног, ушей, голов и др. бараньих и свиных при пробе выясни-

лось, что холодное издает запах горелого, и на вкус горелый запах. Издает в начале разложения, при осмотре вышеуказанного сбой, т. е. ног ушей, голов и др. то оказалось, что все имеется в мороженом виде и не издает никакого совершенно подозрения к порче, на основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 17 подзаконного постановления ОГСИ РСФСР от 20/III-34 г. ПОСТАНОВИЛ:
Вышеуказанное холодное пред'явленное к осмотру пустить в продажу.

Госсанинспектор ЗАВЬЯЛОВ

БУМАГА ВСЕ ТЕРПИТ

В селе Талгар, Илийского района, Алма-Атинской области (Казахстан), есть спиртозавод. Открытое партсобрание этого завода 3 января слушало доклад члена парткома тов. Зубарева о деле Поцелуева. Вот выписка из протокола:

СЛУШАЛИ:

Доклад парткома тов. ЗУ-
БАРЕВА отношении РК

КП(б)К от 8/XII-38 г. за № — 824. Первичной организации Спиртзавода ПОЦЕЛУЕВА Д. Н. исключенного в 1934 г. за пассивность и растрату.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принимая во внимание высказавшихся ряда т.т. оторванность от партии, не посещение политучебы, партсобраний тов. Поцелуева члена партии КП(б)К исключенного из партии в конце 1934 г. В начале 1935 г. За этот большой период времени тов. Поцелуев не смотря, что партком неоднократно с ним беседовал, что нужно посещать собрания, проявлять себя в массах как большевику, а так же и самому расти.

Тов. Поцелуев все же этого не учел нужным, а поэтому тов. ПОЦЕЛУЕВА члена КП(б)К партстаж с 1929 г., партбилет № востановить кандидатам в члены КП(б)К.

Просить РК КП(б)К утвердить.

Доска приказов

ПРИКАЗ № 5

По горьковскому рабфаку Горьковского института инженеров водного транспорта
От 21 января 1939 г.

На основании документов об успеваемости за целых 2 четверти, записей о трудовой дисциплине за эти же четверти, наблюдений и заключений преподавателей, старост групп, комсоров, моих личных наблюдений, убеждений и, наконец, на основе материалов производственного совещания всего состава рабфака от 18/I с/г. делаю следующие административные выводы, используя меры пресечения, врученные мне государством.

Студенту ВАРЕНЦОВУ И. С. за... наличие «прохладного» отношения в борьбе за науку, установленного мной лично 28/XII, делаю весьма строгое и последнее предупреждение.

Ст. КУЛЮСОВОЙ Е. И., имеющей... весьма легкомысленное отношение к труду и заботе преподавателей (случай на уроке немецкого языка), делаю весьма строгое и последнее предупреждение. Напоминаю, что она женщина, мать, член профсоюза, долженствующая иметь трудовую книжку в будущем.

МИРШЯНЯНОВА М. М. за проявление хронических фактов мелкого анархизма — идеологии мещанина, — фактически выразившихся в сентябре м-де в порче госуд. мебели, за что получил уже строгий выговор... частое наличие растерзанного вида в костюме, грубо непосредственно отнесшегося к преподавательнице... полное презрение к моему приказу за № 3... полное презрение к моим личным беседам с ним и указаниям, а ведь он член ВЛКСМ — гос. стипендии лишить. Принимая во внимание его хорошую успеваемость, предшествовавшую до школы грубо единичную среду, стипендию оставить на февраль м-ц. Его недостатки обсудить в течение февраля месяца на КСМ, группе курса и комитете КСМ ГИИВТ и дать мне на заключение.

Ст. ЧЕЛЫШЕВУ В. М. напоминаю о возможности перевода его на городскую квартиру, к родственникам под наблюдение.

Ст. ЗОЛИНА А. С., большого любителя неуместных реплик в классе, за нежелание воспитывать свое внимание и волю к труду, исключу со стипендии после 3 четв.

Ст. КИВКОВА А. И., работающего в классе не в трудовой позе, гос. стипендии лишить...

Ст. КАШИНА В. В., любящего кушать в классе... наличие лени в труде, выношу весьма строгое предупреждение...

Ст. КЕНДЗЕРСКОМУ М. С., получившему «плохо» по немецкому яз., по моему, в силу полной неряшливости в системе труда... выношу весьма строгое предупреждение. В 3 четв. учту. Выписку из приказа выслать родительнице...

Директор СВЕШНИКОВ

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Жалею, но приказ пришлось сократить. Он длинноват. В нем упомянут 41 студент. И для каждого на основании личных наблюдений и убеждений директор нашел проникновенные слова.

Чай и Главчай

— Я хочу беседовать с вами после того, как мы выпьем чаю,— сказал мне инженер.

Он принес чайник с кипятком, вынул черную плитку размером с конфету «мишка» и поскоблил ее перочинным ножом над чайником.

— Прекрасный аромат, замечательный вкус!— сказал я, допивая свой стакан.— Отличный чай!

— Это не чай,— ответил инженер, наливая мне второй стакан.— Это отходы!

— То есть, как отходы?— удивился я.

— Это пыль, чайная пыль!

У меня сразу запершило в горле.

— Вы же сейчас сами одобрили эту пыль!— продолжал инженер и взял в руки плитку.— Я расскажу вам о человеке, который положил шесть лет своей жизни на работу с этими плитками, или, как мы их называем, брикетами.

И, пригладив рукой волосы, инженер с жаром начал свою удивительную повесть:

— Чайная пыль раньше прессовалась на гидравлических прессах. А тот человек, о котором я говорю, предложил применить механический пресс с предварительным пропариванием. Это было намного дешевле, производительнее, а, главное, сам напиток получался лучше и приятнее.

— Не торопитесь. По договору, Главчай должен был уплатить моему изобретателю законный процент с суммы, составляющей экономии от нового способа. Подсчитали, что сэкономят огромную сумму. Будущую экономию ужали доотказу. И все же получился миллион рублей.

Тогда Главчай объявил, что новый способ прессования чайной пыли— не изобретение, а так себе, рационализация. Изобретатель два года бегал по комиссиям, бегал к экспертам, писал жалобы. И добился. Его изобретение было признано... изобретением.

— И конец венчает дело?

— Да что вы! Плохо вы знакомы с Главчаем. Вы, как видно, не знаете, что в Главчае работает некий Ботвинник. А Ботвинник на подмогу себе извлек на свет некоего Баркалая. А Баркалай когда-то тоже пытался изобрести новый способ прессования чайных плиток. Пытался, но неудачно.

И вот Баркалай заявил, что мой изобретатель украл его, Баркалая, изобретение. Опять бегал мой энтузиаст и доказывал, что его изобретение есть... его изобретение.

— И в конце концов почил на лаврах?

— Изобретатель к тому времени добился обогащения своих чайных плиток противогрибным витамином «С». Это тоже одобрено Наркомпищепромом и Главсевморпутем. Понимаете, что значит такой чай для жителей севера или для полярников?

— Это я понимаю! Но вашего изобретателя отказываюсь понимать. Он должен был пойти к наркому пищевой промышленности.

— Спасибо, ходил. Ведь нынешний нарком В. П. Зотов, еще когда был замнаркома, подписывал моему изобретателю авторское свидетельство и обещал, что оно не останется только на бумаге.

— Так вы полагаете, что нарком В. П. Зотов не помнит о том, что обещал замнаркома В. П. Зотов?

— Судить не берусь... А тут еще Ботвинник свалил все на голову моего изобретателя. Недавно из Наркомпищепрома пришли повестки: Главчай обвиняет моего изобретателя в том, что он не принимает никакого участия в реализации своего собственного изобретения. Сам, дескать, виноват, а мы не при чем.

— Ваш изобретатель,—извините, простодушный человек.

— Возможно. Да я не собираюсь защищать его.

— А я собираюсь! Скажите кто он, ваш изобретатель?

Мой собеседник поднялся со стула:

— Этот изобретатель я, инженер Николай Александрович Цыглин.

МАТВЕЙ РОЙЗМАН

Рис. К. Ротова

Весенняя идиллия.

Происшествия

РЕДКАЯ НАХОДКА. В первом этаже дома № 2, по Петровке (Москва), гражданин Рогачевский обнаружил 5 апреля удобный и дешовый домашний холодильник. О необычайно редкой находке сообщено милиции. В указанном доме № 2, по Петровке, как это выяснилось, находится центральный универмаг Мосторга.

ДЕРЗКАЯ КРАЖА. В Московский уголовный розыск поступило заявление бакинской футбольной команды «Вышка» о том, что одна из московских команд выкрала у нее двух форвардов и запасного бека. Злоумышленники приехали в Баку якобы для весен-

ней тренировки и этим путем проникли на стадион пострадавших. Надо отметить, что в связи с приближением начала футбольного сезона аналогичные кражи участились.

ЖЕРТВА НЕОСТОРОЖНОСТИ. Вчера в цирке знаменитый фокусник Джек показывал свой очередной номер «Глотание горячей пакли». Засунув в рот паклю, фокусник вынул коробку спичек и стал чиркать. Спички то не зажигались, то ломались. Фокус сорвался. Оказывается, фокусник по неосторожности пользовался спичками калужской фабрики «Гигант».

СШИБЛЕН МАШИНОЙ. Рассчитываясь с шофером таксомотора и узнав, что трехкилометровый проезд стоит 7 рублей 20 копеек, пассажир У. упал без сознания. Помощь пострадавшему еще не оказана.

КЛАД. В Колдобинском районе, неглубоко в земле, был обнаружен ценный клад: глина, сланцы и торф. Местные организации не знают, что делать.

Хроника

НОВЫЙ ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА. Ввиду невыезда на линию половины машин автобусного парка шоферы культурно отдыхали, играли в шахматы и пели хором.

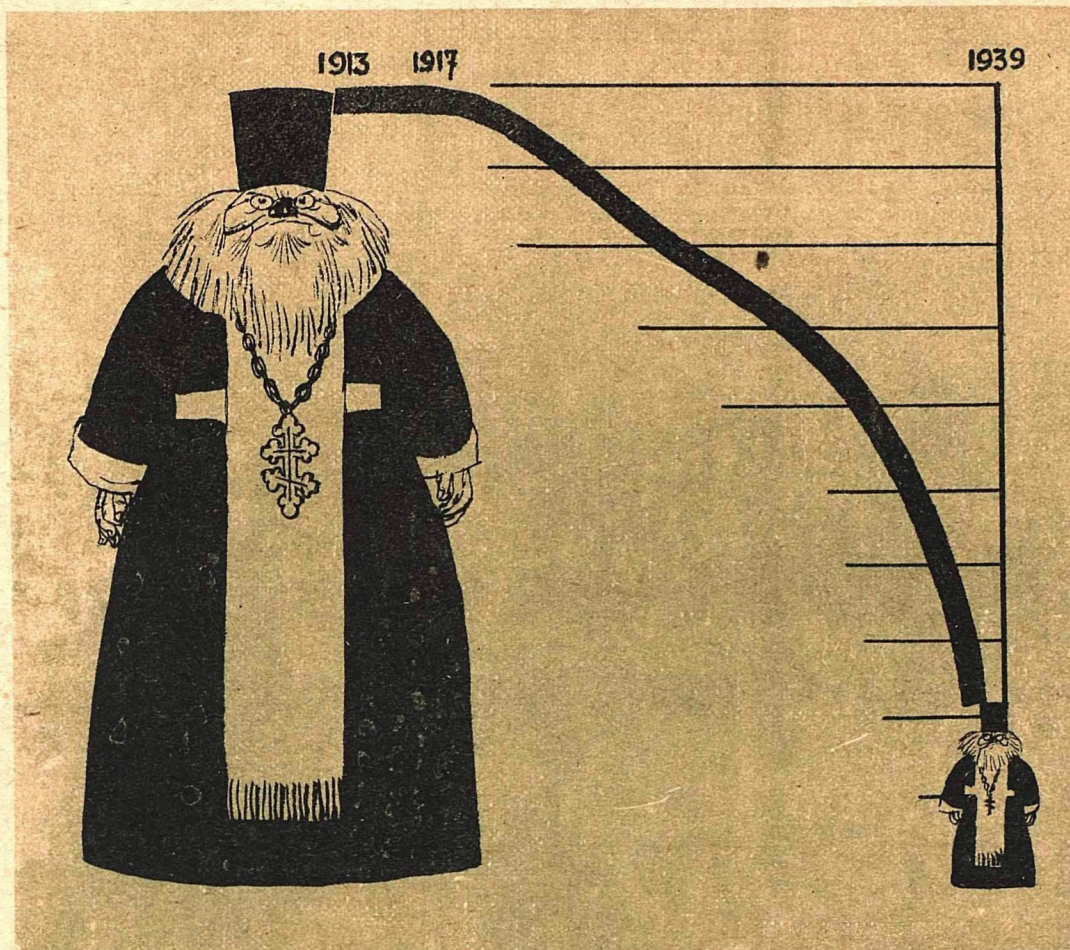

Рис. М. Черемных

Кривая роста культуры.

Вещий сон

ПАВЛУ Петровичу Крутикову, работнику Союза воинствующих безбожников, приснился сон, будто он умер и попал..

— Входите, входите... Очень рады!

— Простите, где я?

— У входа в царствие небесное.

— На том свете, что ли?

— Совершенно верно.

— Быстро как меня перебросило! Только что на нашем свете обедал, поросенка с кашей ел — и уже у вас?

— У нас это дело хорошо налажено. Не успеет человек, как это у вас там говорится, «сыграть в ящик», в тот же момент душа его здесь, в небесной канцелярии.

— Позвольте, позвольте... А вы разве существуете?

— Теплимся кое-как в сознание отсталых граждан, которых вы еще не достаточно охватили своей работой.

— А я-то думал, что мы вас совершенно ликвидировали!

— То-то и оно, что вы больше думаете, чем работаете. Вы третьего дня должны были ехать в район антирелигиозную лекцию читать?

— Не поехал. Я заболел.

— Это вы там рассказываете. Я-то знаю, как вы заболели! Весь вечер с соседом в шахматы играли. Статью в журнал «Безбожник» вчера должны были написать?

— Не написал. Я...

— Опять с соседом в шахматы играли? Вот и разрешите за вашу «активную» работу в области антирелигиозной пропаганды поблагодарить вас от имени всех работников главного.

— А с кем, простите, имею удовольствие?

— Временно исполняющий обязанности заместителя старшего чорта — Сквородкин.

— А вы на моего соседа по квартире Виктора Ивановича похожи.

— Ничего сверхъестественного. Бывают же

люди на чертей похожи, почему же чорт не может на человека походить?

— А где же ваша... прозодежда?

— Какая прозодежда?

— Ну, хвост, рога, копыта.

— Не носим. Устарело. Кого этим сейчас возьмешь? Как бы вы там ни работали, а все же здорово нам хвост прижали.

— Вот видите! Мы вас всех в ближайшее время совсем... К чортовой бабушке!

— Ну, это еще моя бабушка надвое сказала! Мы на одних бабушках, на которых вы внимания не обращаете, еще столько продержимся...

— И бабушек распропагандируем.

— Мало вам, что всю молодежь от нас отняли, на бабушек бросаться хотите? Вы полюбуйтесь, во что царствие небесное превратилось! Пустота да беднота!

— И правильно!

— Чего правильно? В аду отопление не работает. Адский холод. Дежурные черти в валенках ходят. Грешники кричат: «Даешь «вечный огонь!» А где его взять? Ведь ни один чорт ни гроша на нас не жертвует. Вот там у вас некоторые чудачки о «небесном рае» мечтают, а все наше «райское блаженство» — одна пластинка Утесова. Да иногда ангелы в порядке самостоятельности оперетку «Орфей в аду» разыгрывают.

— Скучновато!

— Еще бы! Разваливается царствие небесное.

— Ну, а сам-то как?

— Кто? Саваоф, что ли?

— Во-во! Он-то как?

— В отпуску. От всех этих дел так, знаете, расстроился. Выпивать начал, пришлось отправить на седьмое небо, в дом отдыха для ответственных сотрудников. Мы уж другого подыскивать начали, да ни один чорт на эту должность не соглашается. Вот если б вы, душа моя, согласились?

— Мне? Богом? Да вы что? С неба свалились, что ли? Это даже просто глупо и нахально с вашей стороны! Меня, работника Союза безбожников, в боги выдвигать! Я же сам в себя верить не буду, так кто ж в меня поверит?

— Поверят! Как говорится: «Было б болото, черти найдутся».

— Не пойдет!

— Ну, тогда выбирайте: или в боги или в ад. На сковороду! На «вечный огонь»!

— А где он «вечный огонь»? Сами ж говорили, что топить нечем.

— Ну, тогда в рай, один чорт! Будете с утра до ночи патефон слушать.

— Бросьте, бросьте!.. Не запугаете! И чего вы ко мне привязались? Ну вас ко всем чертям с вашим богом!

— Папашу не чертыхаться! Я с вами, как с порядочной душой, по душам, а вы... Дело ж гибнет!

— И правильно, что гибнет! Темное ваше дело. Подуррачили народ — и хватит! Довольно!

— Но, но, но! Будьте любезны не орать. Не в трамвае! Нахал!

— От нахала слышу! Где у вас жалобная книга?

— Нет у нас жалобной книги. Это вам не «Гастроном».

— Безобразие! Чорт знает что делается!

— В том-то и дело, что я не знаю, что делается. Который год чортом работаю, ничего подобного не видел. Такие антирелигиозные души поступают, душа из них вон, что ни богу свечка, ни мне кочерга. Нет веры, пропала вера, ушла вера!..

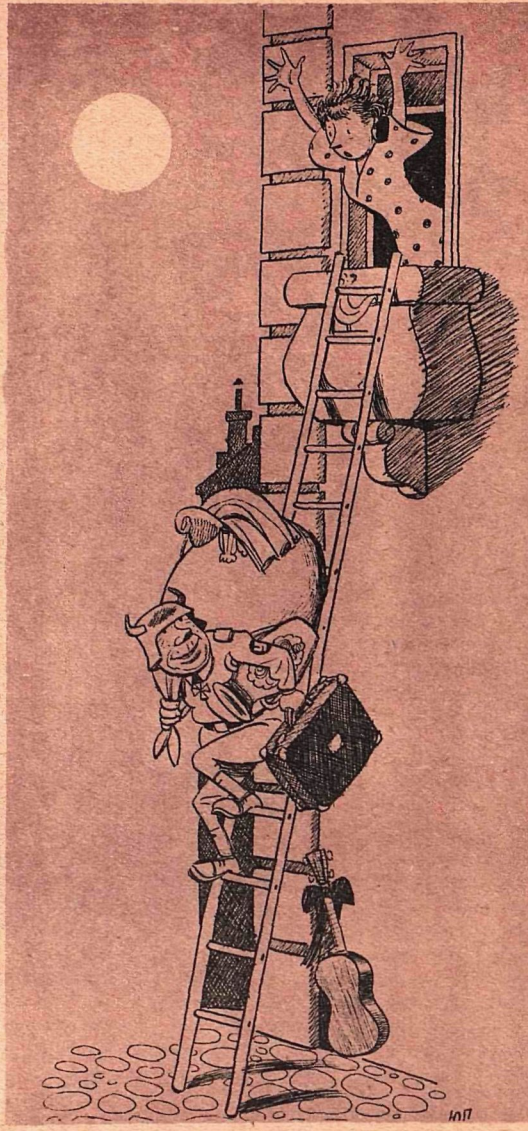
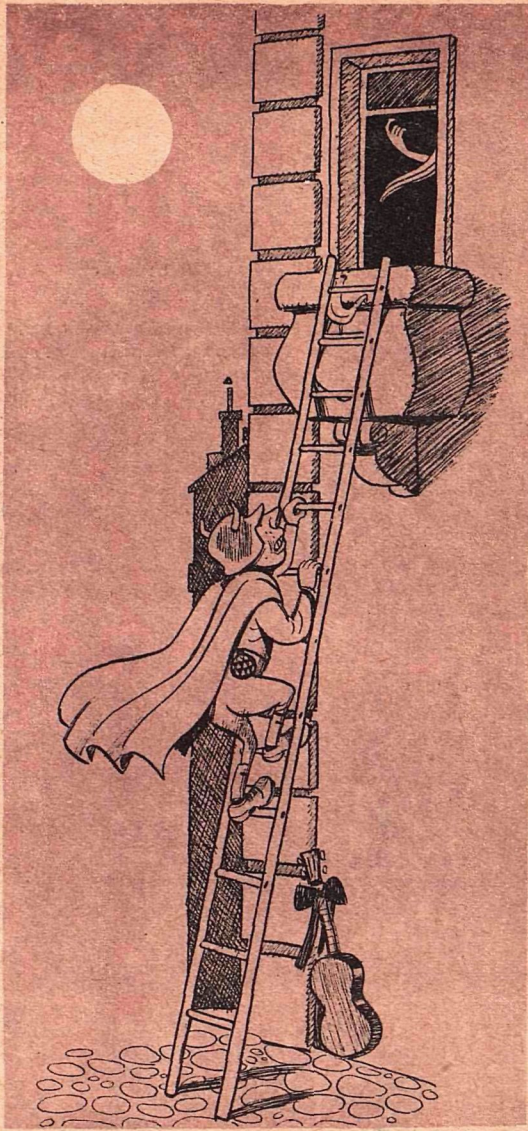
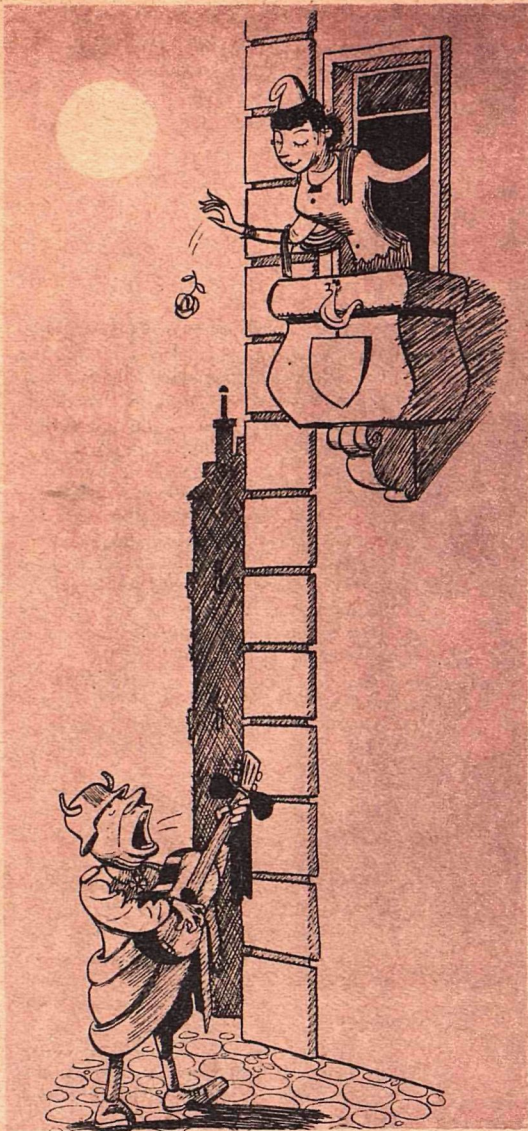
И Павел Петрович проснулся. Его сосед тербил его за плечо, приговаривая:

— Ушла Вера! Ушла Вера...

— А? Что? Какая Вера?

— Ваша домработница Вера ушла и просила меня в шесть часов вас разбудить. Вставайте! Пойдем в шахматы сыграем...

ЯКОВ РУДИН

Современная серенада

Рис. Ю. Ганфа

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

О ЛЮБВИ К ЛОШАДЯМ

Многие лошади по праву запечатлены в летописях истории.

Русский князь Олег Рюрикович погиб от коня своего. Мигуэль Сервантес прославил в веках Россинанта — коня Дон-Кихота. У Александра Македонского был неукротимый конь Буцефал.

Следуя всем этим великим примерам, диэтестра столовой № 29 в Днепропетровске А. Тараненко выписала из кладовой для больной лошади 300 граммов сливочного масла и 3 килограмма ячневой крупы.

Результаты этого диететического лечения нам неизвестны. Мы не остановились бы вовсе на этом случае, если бы он был единичным, так сказать, местным, днепропетровским явлением.

За сотни километров от Днепропетровска, в Нижнем Тагиле, местная общественность однажды была приятно поражена следующим явлением в газете «Тагильский рабочий»:

«После капитального ремонта открыта диетическо-ветеринарная столовая».

Диэтестра Тараненко, накормившая одну лошадь сливочным маслом, была посрамлена тагильцами, которые сразу поставили дело на широкую ногу.

ИСТОРИЯ С РУССКОЙ ДРАМОЙ

Даем несколько справок.

Первая знаменитый трагик В. А. Каратыгин родился в 1802 году, умер в 1853 году. Великий русский актер М. С. Щепкин родился в 1788 году, умер в 1863 году. Актрисы Федоровой история русского театра не знает, а сценическая деятельность Г. Н. Федотовой окончилась еще в 1905 году. И так далее и тому подобное.

Вторая. В городе Балхаше (Казахстан) выходит газета «Прибалхашская правда». Редактирует ее Я. Мосичев.

Третья. 15 февраля Я. Мосичев напечатал в своей газете передовую статью «Больше внимания театру русской драмы», в которой сообщает:

«Работникам театрального искусства есть у кого и чему поучиться... Целая плеяда современных актеров и актрис, известных всему миру, как: Федорова, Мочалов, Коротыгин, Щепкин, Ленский, Ермолов, Собинов, Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, Москвин и другие последователи народного искусства — слава и гордость русского театра. Они воспитанники партии Ленина — Сталина и у них должна учиться молодежь театральному искусству».

Так. Насчет учебы возражать трудно. И прежде всего надо поучиться самому Мосичеву. Потому как неграмотный редактор никогда не будет славой и гордостью своей газеты.

ЧЬИ ДЕНЬГИ?

На заводе имени Ильича (г. Мариуполь, Сталинской обл.) рабочий Головин потерял в цеху 480 рублей. Эти деньги нашел и присвоил себе некто Кушнарв. Казалось бы, дело простое. Но вот уже больше двух лет путешествует дело о незаконном присвоении денег по судебным инстанциям. Пять раз разбиралось оно в народном суде, пять раз — в кассационном. 30 мудрых судей судят-рядят, кому же все-таки принадлежат 480 рублей, и не могут прийти ни к какому решению.

Как-то древний царь Соломон следующим образом рассудил двух женщин, претендовавших

на материнство одного и того же ребенка. Он предложил ребенка разрубить пополам и каждой женщине дать по половине. Тогда одна из женщин стала умолять царя Соломона не делать этого. Умолявшая женщина, по определению судьи Соломона, и была настоящей матерью.

Мы, конечно, не предлагаем разрубить 480 рублей пополам, но Наркомюсту УССР все же следовало бы разрубить узел беспримерной судебной волокиты с незаконно присвоенными 480 рублями.

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Хорошо живется холостякам в городе Лысьве, Пермской области. Несравнима их вольная жизнь с грустным существованием некоторых работников лысьвенской конторы связи, обремененных семьями.

Взять, к примеру, начальника конторы связи Жукова, жена которого работает начальником отделения той же конторы,

или заместителя начальника Черемских, жена которого работает в кладовой той же конторы,

или заведующего страховым отделом Боченкова, жена которого работает начальником отделения той же конторы, а брат почтальоном, или монтера Морозова, жена которого работает телефонисткой той же конторы,

и т. д. и т. п. Их жизнь была бы тоже безоблачной и вольготной, если бы в один прекрасный день не выяснилось, что штаты конторы значительно превышены и необходимо произвести сокращение.

Но кого сокращать?

Вот и ходят теперь семейные сотрудники конторы и ломают головы над трудной задачей сохранения в целости семьи и штатов.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Моя дочь находится в одном из санаториев. Она прислала мне письмо, а в нем пишет, что в санатории много крыс и даже был случай, когда крысы покусали нескольких спящих ребят. Это письмо я переслала в Ленинградский отдел здравоохранения, откуда получила следующий ответ:

«В санатории действительно имел место случай, когда попавшая из коридора в палату крыса проскочила по кроваткам со спящими детьми и лапами нанесла незначительную царапину на лбу одному ребенку, за ухом другому, царапнула нос третьему и укусила за палец девочку.

Никаких серьезных повреждений нет».

Письмо подписал инспектор санаторной сети Левашов.

Точь-в-точь, как в популярной песенке о прелестной маркизе, где старик слуга, сообщая маркизе о пожаре в имении, приговаривал: «А в остальном, прелестная маркиза, все хорошо, все хорошо...»

КУТЕНКО

г. Пушкин

Дорогой Крокодил!

Я сама курьер. Хочу рассказать тебе, как в союзной конторе «Торг-реклама» некоторые курьеры пошли в гору. Правда, здесь курьеры почему-то называются доверенными. Но по своим обязанностям ничем от курьеров не отличаются.

Работают эти «доверенные» так: ходят по этажам наркомата, собирают в главках наркомторгоской системы предусмотренные сметой рекламные объявления и сносят их, точно пчелы мед, к себе в контору. И за такое хождение по этажам они получают соответствующее вознаграждение. Например «доверенный» Файнгерш заработал за три месяца 8924 рубля, доверенный Авнер — 7090 рублей, а Муравин — 9181 рубль.

И эти большие деньги им платят только за то, что они додумались называться «доверенными».

Вот как в Наркомторге поощряется выдумка.

А. ПРАВДИНА,
курьер Наркомторга СССР.

Дорогой Крокодил!

Очень прошу тебя разъяснить руководителям Ирбитского исполкома, что такое родильный дом и зачем он нужен; потому что в этом нехитром вопросе исполкомовцы ведут себя легкомысленно.

Задумав построить родильный дом в селе Осинцеве, они вскоре усомнились в полезности этого беспокойного учреждения.

— Все-таки шум, крик, — размышляли они, — опять же пойдут пеленки... Как нехорошо.

И тут же было решено передать помещение в солидные руки торгующих организаций... на предмет оборудования лавки.

Теперь мы серьезно опасаемся, как бы «переквалификация» медицинских учреждений в Ирбитском районе не приняла эпидемического характера. Ведь может статься, что в одно прекрасное утро на больнице появится вывеска универмага, а на аптеке — вывеска столовой с подачей пива.

НАЗАРЕНКО

работник райздравоотдела.

г. Ирбит,

Свердловская обл.

Дорогой Крокодил!

Недавно трест Снежиянтрацит командировал в Казань четырех уполномоченных для набора рабочей силы. Следом за уполномоченными прилетела в Казань трестовская просьба:

«В связи с тем, что в группе оргнабора рабочей силы нет данных, когда, куда и кто из уполномоченных выехал, прошу сообщить такие данные:

1. Фамилию, имя, отчество прибывших в ваше распоряжение уполномоченных нашего треста.
2. Год рождения.
3. Национальность.
4. Партийность.
5. В каком районе работает.

Обо всем этом с ребячьей непосредственностью спрашивает не кто иной, как руководитель трестовской группы организованного набора рабочей силы т. Иванов. Тот самый Иванов, который послал уполномоченных.

Крокодил, что прикажешь ответить этому вундеркинду?

Н. ЛУКАШЕВ,

уполномоченный НКТП
по Татарской АССР.

Дорогой Крокодил!

С глубоким прискорбием сообщаем о странном заболевании, обнаруженном в парткоме управления Юго-Западной дороги (секретарь — тов. Качановский). Недуг этот следовало бы назвать «карикатуроболью». Поместила дорожная «Рабочая газета» две статьи о неудовлетворительной работе службы движения и, в частности, начальника службы движения тов. Маковчика. Все в этих статьях было правдиво, что партком в своем постановлении и подтвердил. Но на беду редакция снабдила одну из статей, говорившую о «пожарных» методах руководства тов. Маковчика, иллюстрацией, изображавшей этого начальника в виде дикого «мастера огня». Хотя карикатура правильно изображала положение вещей, однако

партком вынес постановление: «Поставить вопрос перед подором (политотделом дороги) о том, чтобы редакция «Рабочей газеты», осуществляя свою задачу в развертывании критики работы отдельных командиров, отказалась от помещения «карикатур», которые могут приводить к снижению авторитета отдельных командиров...»

Так вот, дорогой Крокодил, остерегайся ты со своими карикатурами попадать в партком управления Юго-Западной дороги. Запретят они тебя.

А. ДОБКИН,
З. КАВИЦКИЙ

Киев

Уважаемый Крокодил!

У Сорочинского районного исполнительного комитета (Чкаловская область), очевидно, особые счеты с самодержавием. Вдруг ни с того ни с сего райисполком перенес выходной день 12 марта на 13 марта, потому что 12 марта видите ли, совпадает с днем низвержения самодержавия.

Почему трудящиеся Сорочинска должны, работая, а не отдыхая, вспоминать этот радостный день, остается загадкой.

Может быть, пока не поздно, следует вообще пересмотреть выходные дни, чтобы идти в ногу с новаторами из Сорочинского райисполкома.

В. ПОЛОСАТОВ

г. Абдулино,
Чкаловская область.

Дорогой Крокодил!

«Карачи, Лебяжье, Усман — замечательные алтайские курорты, — сообщила однажды «Совхозная газета». — У подножья гор и по берегам рек там раскинуты дома отдыха...»

Не знаю, как где, но в Новосибирской области эти лирические откровения солидного органа Наркомата совхозов вызвали тяжелое чувство недоумения.

Во-первых, потому, что означенные Карачи находятся на территории Чановского района, Новосибирской области, и к Алтайскому краю касательства не имеют.

Во-вторых, потому, что означенные Карачи легкомысленно расположились почти в самом центре Барабинской степи и в связи с этим прискорбным обстоятельством никаких гор, или подножий, или даже холмов в радиусе 400 километров вокруг не обнаружено.

В-третьих, потому, что ближайшая к Карачам река Омь держится от курорта на почтительном расстоянии — в 60 километров.

Признавая в принципе право «Совхозной газеты» на лирику, мы ждем от нее, тем не менее, и некоторого знакомства с географией. Хотя бы в объеме неполной средней школы.

М. КОВАЛЕВ

г. Куйбышев,
Новосибирская обл.

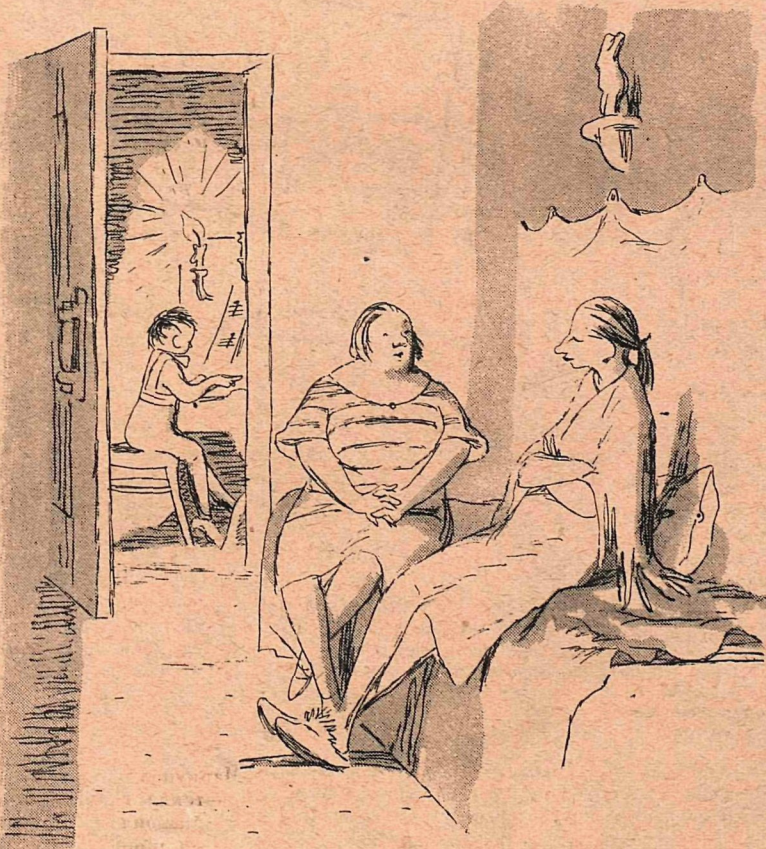
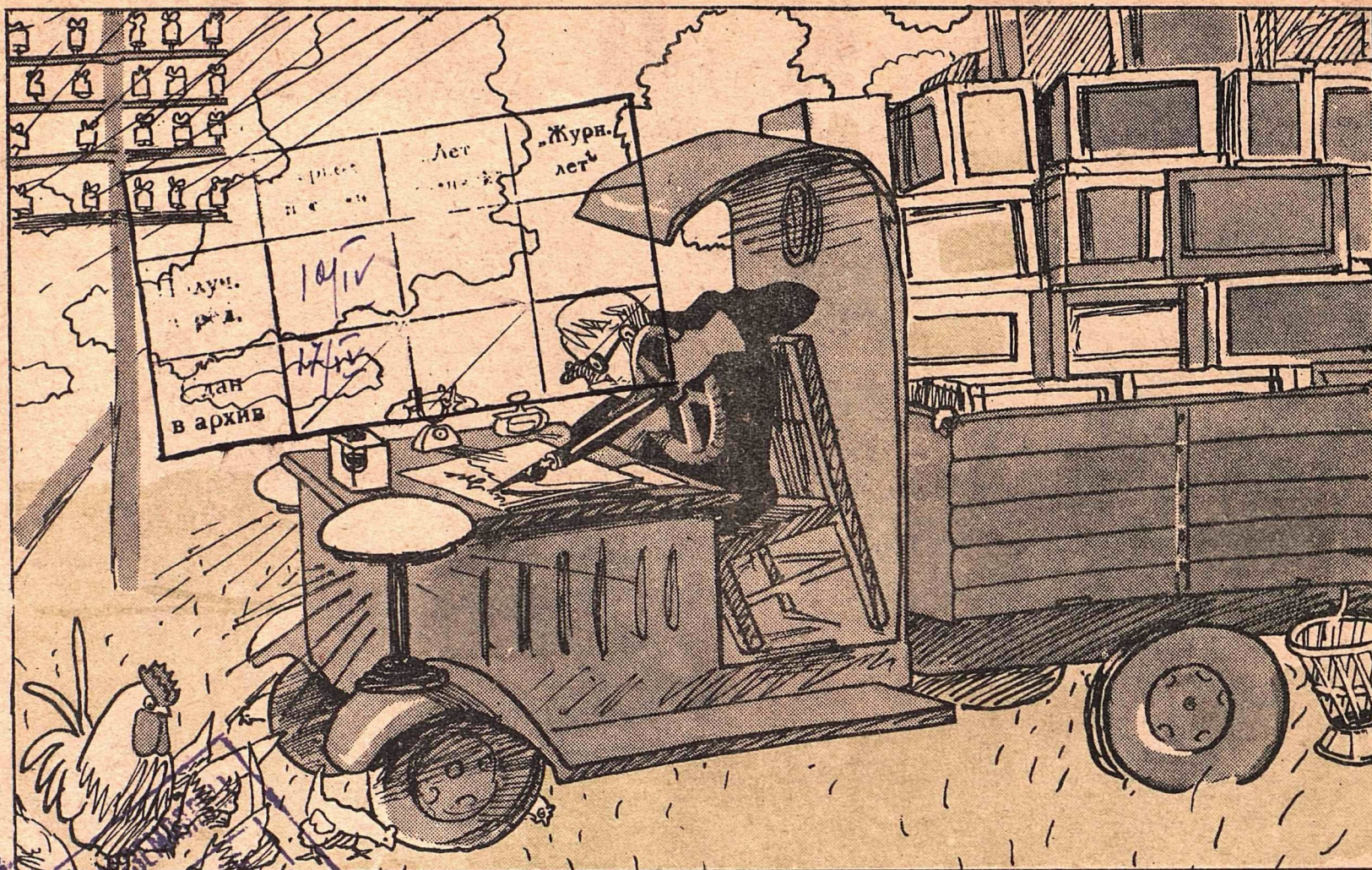

Рис. Л. Соифертиса

— Зачем вы обучаете сына музыке? Ведь у него нет слуха.

— Мальчик и не собирается слушать. Он сам будет играть.

Рис. А. Каневского

45
Обязат. 1-5 АПР 1939
Н. Палатов Получены
Торговая машина Центросоюза на пути в деревню.

Случай в городе Эн

Театр прогорел.
Напрасно худрук
(Их сменилось четыре за этот год)
Нагромождали на трюки трюки
И глядели на флюгеры всех погод.
Напрасно чудовищные авансы
Скормили двум драматургам Москвы,
Напрасно цыганские романсы
Вставляли в «Грозу» и «Отелло»... Увы!
Стали думать. Аргон укрепили на крыше,
Буфет объявил в антракте блины,
Администратор спроворил афиши
На целлофане двойной ширины.
Но аргон привел к новым финансовым трениям,
Шеф-повар в блинах оказался профан,
А домохозяйки на банки с вареньем
Посдирали с афишных столбов целлофан.
Тогда, принужденные труппе сознаться,
Что в воздухе катастрофа висит,
Сделали все, чтобы смог рассосаться
Как опухоль вздувшийся дефицит:
Сскратили вдвое цех бутафорный,
«Ушли» резонера. Сменился худрук,
Взамен семи гардеробщиков в форме
Посадили двух тихих старушек...

И вдруг...
Началось совсем неожиданно это:
Через восемь дней после принятых мер
Кассир продал двадцать два лишних билета
На одну из вполне безнадежных премьер.
Через день их еще прибавилось тридцать,
На второй пятнадцатке их стало сто шесть.
Директор начал полнеть и гордиться,
Худрук приписал себе эту честь.
Драматургу послали в Москву телеграмму:
«Спектакли сплошным аншлагом прошли,
Ждем обещанную подводную драму
Из жизни Эпрона».

А сборы росли.
И так продолжалось. Недели за три

Нартер ни разу не был пустым
Все ходили гонимыми в театр
(А автор в Москве даже Львом Толстым).
Гардеробщиков вернули обратно,
Директор им снова ливер курил,
И только кассир шептал: «Непонятно!»
И краха ждал.

И крах наступил.
Как? Неважно. Не будите в детали
И только трагический факт сообщим:
Сборы сразу катастрофически пади
Без каких бы то ни было явных причин.
Все валили вину один на другого,
Нервничали и сходили с ума.
Кассир за пустынным окошечком снова
Вечерами читал без отрыва Дюма,
Покуда в него, как выстрел из пушки,
Не грянул зрительский тихий вопрос:
— Товарищ кассир! А где же старушки?
Нет, нет, я спрашиваю всерьез.
— Какие старушки?

— А те, в гардеробе.
— В каком гардеробе? В нашем?
— Ушли. Они были временно.
— А что?
— Ну да.
— Обе?

— Ай-й-й! Какая беда!
Поймите. Ведь это же были такие...
Нет, это просто несчастье. А фронт.
В городе только две мастерские:
«Живая нитка» и «Дырремонт».
Ни одна раньше месада не беретса
Лерелицевать на костюме сукно.
Ну, а если вешалка, скажем, порвется
Или вы на пальто посадили пятно,—
Умоляйте какими хотите речами,
Просите, плачьте — ответ один:
«Не занимаемся мелочами!»
Не мешайте следующему, гражданин!»

Ну, а ваши две золотые бабуни...
Какая ласка, какой уют!
Ни одной не оставят просьбы втуне,
Все почистят, подштопают и пришьют!
Мы сразу кинулись в это место,
Мы выгоду сообразили в момент,
Мы смотрели без ропота и протеста
Весь ваш принудительный ассортимент,
Мы были довольны вами, вы нами,
Нам — прочные вешалки, вам — прочный успех.
И вдруг — ваши семь молодцов с галунами
Все это в прах разрушили!

Эх!
Вот и все.
Театру глаза раскрыли.
Старушки вернулись, не помня зла.
Как только их в гардероб водворили,
Кривая сборов вверх поползла,
Касса наполнилась — только считайте!
Дефицит превратился в верный доход.
Но...

Не кажется ли тебе, читатель,
Что возможен еще и другой исход?
Во-первых, чтоб вешалкам не обрываться
И на ниточках пуговицам не висеть,
Могла бы, пожалуй, организоватьса
В городе Эн швейремонтная сеть.
Во-вторых, по линии чисто идейной
(Представляющей тоже интерес)
Не пора ли хотя б с точки зрения швейной
Подумать о качестве наших пьес.
Чтобы шли их не на живую нитку,
Чтобы мысль не лоснилась, как кромка манжет,
Чтоб к комедии не принимали агитку,
Чтоб как вешалка не обрывался сюжет,
Чтобы, как говорится, в общей сумме
Смогли бы и быт и искусство цвести
И чтоб вы бы могли бы в хорошем костюме
На хороший спектакль с вашей дамой пойти!

НИКОЛАЙ АДУЕВ